

Владимир Шкунденков

КАФЕ НА ПЛОЩАДИ

БУРГ-ДЕ-ФУР

Москва – 2004

Шкунденков Владимир Николаевич
КАФЕ НА ПЛОЩАДИ БУРГ-ДЕ-ФУР

– Тула: Репроцентр, 2004. – 58 с.

Автор – доктор технических наук, директор международного Научного центра исследований и разработок информационных систем (ЦЕРН–ОИЯИ).

ЦЕРН – Европейская организация ядерных исследований (Женева, Швейцария);

ОИЯИ – Объединенный институт ядерных исследований (Дубна, Россия).

В ранее изданной книге автора “Время и Красота” (М., 2004) изложены результаты эксперимента в ЦЕРН по 10-кратному сжатию времени (при создании сложных информационных систем). Описан подход, основанный на установлении связи человека с параллельным миром. И при этом утверждается, что *дорогой* такой связи должна стать не религия, а – поэзия. В данной книге приведены поэтические произведения автора.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Кафе “Ла Клеман” (Женева, 27 марта 2004 года)	5
2. “Вдоль дороги лес густой...” (Кто виноват?)	7
3. Первый раз за границу (Осень 1969 – весна 1970 года)	13
4. Париж, Париж!.. (Рассказ о нелегальной поездке. Осень 1976 года) ...	27
5. Баба-Яга (“Лесное чудище”)	51
6. “А в конце дороги той...” (Эпилог)	55

КАФЕ “ЛА КЛЕМАН”

Женева, 27 марта 2004 года

Кафе “La Clemence”^{*} на старой площади Женевы Бург-де-Фур открыто уже в половине восьмого утра. И ходить в него надо именно в это время: тогда оно заполнено не скучающими туристами, этими манекенами человеческой жизни, а живыми людьми.

Вчера, в день моего дня рождения, я пришел в него в начале девятого. Это небольшое помещение, разделенное стойкой бара на левую половину с четырьмя маленькими круглыми столиками и правую – с семью. Два столика в глубине правой половины отделены деревянным барьерчиком, создавая “отдельную комнату”. Из этой комнаты легче наблюдать: ты в ней как бы спрятался, и на тебя в ней никто не смотрит. Видеть из нее, правда, можно только свою половину кафе.

В баре всегда работают двое, это или мальчики, или девочки. В этот раз работали две девочки-конфетки, молоденькие, не сказать, что красивые, тоненькие, в джинсах и белых кофточках в обтяжку. Одна стоит на кассе и исполняет приготовление заказов, у нее вид капризной недотроги. Другая бегает между столиками, подавая заказы и убирая посуду. У этой темные волосы заколоты в хвостик нехитрой прищепкой и карие глаза. Я заказал кофе и намазанный вишневым конфитюром (вареньем) хлеб.

За соседним столиком в “моей” комнате две юные женовочки, у одной нос сбоку проколот бусинкой, уткнулись в “девчачий” разговор. Я им не нужен, они мне тоже. К тому же рассматривать ближних соседей неправильно.

^{*} “La Clemence” – так, женским именем назывался главный колокол собора St.-Pierre. Около трехсот лет назад колокол упал и разбился.

Из пяти столиков по ту сторону барьерчика заняты четыре. Три стола были не интересны: влюбленная парочка, одинаковая во всем мире, и два скучных типа, каждый за своим отдельным столиком, пьют кофе и читают утренние газеты. Один лет под сорок, в очках, с уже поседевшим, слегка смятым бобриком волос, другой не старше тридцати, неопрятный, с распущенными вьющимися волосами-космами. Одеты все в темное и неброское. Никаких пиджаков, у всех – куртки.

Но вот у входа... За столиком сидела дива лет двадцати трех, высокая, со взбитыми распущенными до локтей каштановыми волосами, в серого цвета свитере с широким откидным воротом, в прекрасно сшитых и расклешенных слегка, темных брюках модного “тряпичного” вида и в примитивных, с виду грубых черных ботинках на подошве-протекторе. Сзади на подоконнике лежала огромная мотоциклетная каска-шлем.

Дива лениво листала журнал, не выпрямляя правую вздыбленную половину, что наводило на мысль, что она его вовсе и не читает, и курила тонкую сигарету, изящно держа ее длинными пальцами левой руки. Перед журналом на круглом столике расположились: стеклянная пепельница, связка ключей с красным брелком, пачка сигарет с зажигалкой и мобильный телефон. Один раз она куда-то позвонила. Растянула ворот, спустив свитер на целую ладонь, и обнажила прекрасные плечи. Можно было сойти с ума: вот это ведьма! Почесала голову. Потом еще...

К моим двум женевочкам пришел молодой парень. Огромный, хорошо сложенный, он снял куртку и залез с трудом на круглый же стульчик в тесноте между нашими столиками.

Мне позвонила по мобильному телефону Елена и сказала, что обслуживающий в Дубне мою машину механик предлагает в мое отсутствие провести техосмотр. Мне не хотелось говорить по-русски в кафе, привлекая к себе внимание, и я отвечал односложно: да или нет, сказал, что сейчас перезвоню. Расплатился с кареглазой барменшей и стал выбираться из-за столика, большой, в темной куртке и с французской, в клеточку, кепкой в руке, напоминающий в чем-то Жана Габена в фильме “Отверженные”. Молодой парень, пришедший к двум женевочкам и сидевший ко мне спиной, повернулся и приветливо улыбнулся: “Ова, месье!”.

Проходя мимо дивы-ведьмы, я смотрел вниз. На полу у ее ног лежал длинный матерчатый, с рисунком в крупную клетку ящик-футляр, в котором могли быть либо скрипка, либо ружье.

“ВДОЛЬ ДОРОГИ ЛЕС ГУСТОЙ...”

(Кто виноват?)

“Сейчас, когда пишутся эти строки, на улице, за окном, зима. Декабрь. И когда еще будет весна?..

Солнце в декабре появляется редко, но в эти редкие дни небо бывает удивительно голубым, и по нему – стремительные – несутся *белые* облака.

Кто я и что я? Во всем ли я прав? Этого я до конца не знаю.

Но когда я вижу это низкое солнце или же голубое небо, то я знаю, что так же прямо могу смотреть и в *другие* глаза...”

Эти слова были написаны в конце 1973 года, через несколько месяцев после того, как мной впервые были выделены *числовые характеристики красоты* и *числа управления* (на изображениях ядерных событий с трековой камеры, применявшейся в физических исследованиях с пи-мезонами на ускорителе – синхроциклотроне – в Дубне). Выделены и использованы для снижения сразу на **два порядка** сложности создания для компьютера программ по распознаванию этих изображений*.

Это была первая созданная и запущенная в эксплуатацию в СССР сканирующая система. Пройдет время, и станет ясно, что эта система, получившая название АЭЛТ-1, окажется среди всего лишь десятка оригинальных созданных в мире. При том, что тогда, в 1960 – 1970-х годах, над подобной задачей работали примерно в 200 научных лабораториях мира. И что в таких странах, как Германия, Франция, Италия и Япония – я говорю о самых развитых, – не удалось создать ни одной.

* Из первой книги автора “Москва – старинный город” (Дубна, 1996).

Реакция на создание АЭЛТ-1:

- лишение автора квартальной премии;
- отказ принять доклад на научный семинар;
- предложение о понижении в должности (не вышло);
- запрет иметь в научной группе программистов (вышло, запрет действовал целых пятнадцать лет).

Как создатель первого в СССР сканера автор был приглашен на шесть месяцев на работу в Европейскую организацию ядерных исследований (ЦЕРН, Женева).

В конце 1960-х годов там строилась Большая европейская пузырьковая камера, и надо было создать сканирующую систему для обработки фотоизображений с этой камеры.

Было два варианта решения этой задачи, на основе оптико-механического сканера и сканера на основе управляемой от компьютера электронно-лучевой трубки (ЭЛТ). Последний был прогрессивнее, но для победы над сторонниками “механики” требовалось решить две сложные задачи – достичь высокой точности измерений и разрешающей способности.

Победа была одержана, а автор за участие в работах по достижению разрешающей способности сканирующей ЭЛТ на уровне 7000 линий (напомню, что телевизоры имеют разрешающую способность около 1000 линий) предстал по доносу перед судом КГБ – якобы за то, что “передал на Запад стратегические научные результаты”. Донос не сработал. А мог сработать...

За успехи в этой работе автору была предоставлена возможность работать на лучшей в мире западной элементной базе. Так автором была создана вторая оригинальная сканирующая система – АЭЛТ-2/160, которая обладала наравне с созданной в ЦЕРН системой ERASME лучшими в мире измерительными характеристиками.

Чтобы создать для АЭЛТ-2/160 программное обеспечение, автор, в условиях запрета иметь программистов (см. выше), построил по договору с Центральным аэрогидродинамическим институтом сканирующую систему АЭЛТ-1/ЦАГИ, применявшуюся для обработки графиков полетной информации (“черные ящики” на самолетах). И заработал деньги для программистов.

Обе системы, АЭЛТ-1/ЦАГИ и АЭЛТ-2/160, были запущены в эксплуатацию в 1978 году. Тогда же автор проходил очередные перевыборы на должность начальника научного сектора.

И был переизбран с “запасом” всего в один голос. А затем еще получил предупреждение: если не “остановится” в науке, то в следующий раз выборы на должность пройти не удастся...

Созданные на основе подхода “компьютер в помощь человеку”, что шло вразрез с господствующим в течение 1950–1980-х годов *кибернетическим* подходом “человек в помощь компьютеру”, сканирующие системы автора (о них см. в книге автора “Время и Красота”, 2004) позволяли в 10–100 раз снижать затраты (“сжимать время”) на создание программного обеспечения, этой самой сложной (как считалось) части построения действующих систем. Но в научном мире эти результаты так и не были признаны, хотя автору и было “позволено” защитить докторскую диссертацию.

И тогда автор перенес в 1994–1995 годах свои научные исследования в вопросе *управления временем* в ЦЕРН, где предложил применить разработанную методику “сжатия времени” в создании сверхсложных административно-финансовых информационных систем. И снова – успех. И те же результаты: время научных разработок при создании таких систем, как контроль финансов, электронный документооборот и другие, сокращено в 10 и более раз!

И снова удар: попытка отстранить автора от руководства созданного им лично международного Научного центра по информационным технологиям, с тем чтобы передать эти работы в руки одной вечно плачущей, как баба, шмакодявки с наклонностями Яго-клеветника. Что должно было позволить им делать на наших технологических знаниях немалый бизнес.

Попытка закончилась неудачей. А мне, которому сегодня, 27 марта 2004 года, исполняется шестьдесят шесть лет (уже или еще?), в этот прекрасный тихий солнечный день при, правда, почти зимнем холоде, совсем не типичном в это время года для Женевы, пришло *настроение* – разобраться и дать ответ на то, *кто виноват* во всех моих “злоключениях”?

Этот вопрос, как известно, существует для русского человека с незапамятных времен и стал чем-то вроде насмешки над нашим неумением организовать нашу жизнь. При этом самые “умные” напоминают, что еще со времен летописца Нестора (XI век) известно, что “земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет”. Но так ли это?

Мой ответ: не так. По поводу лжи, связанной со словами “а *порядка* в ней нет”, где старославянское слово “наряда” переведено как “порядка” – что неверно: слово *наряд* означает *власть*, а не *порядок* (а это в корне меняет смысл Нестеровых слов), – мной в статье “Нелинейность времени”, опубликованной в 3-м сборнике “Синергетическая парадигма”, М., 2003 (а до меня и другими) уже сказано: там речь шла лишь о приглашении варяга Рюрика править в Новгороде после умершего бездетным князя Гостомысла, как его ближайшего родственника и потому имевшего на это наибольшее право *по наследству*.

А вот по вопросу “кто виноват?” я хотел бы дать, возможно, неожиданный ответ: дух-интеллект из параллельного нам мира.

Вопрос о существовании параллельного нашему мира духа-интеллекта исследовался еще жрецами Древнего Египта. Мы об этом ничего (или почти ничего) не знаем, потому что добытые при этом *знания*, вошедшие в учение под названием Каббала (Kabbalah), оказались скрытыми на 4000 лет. Но это именно в них, как в начале всех начал (мы говорим про знания о том, **почему** так устроен окружающий нас звездный мир), заложены те ответы, которые так волнуют нас, – а я говорю здесь о тех, кому не безразлично будущее как России, так и человечества в целом, – включая ответ на пресловутый вопрос “кто виноват?”.

В задачи, которые ставятся мной при написании этой книги, входит только обозначить основные вехи, ведущие к ответу на данный вопрос. И потому я буду предельно краток.

Каббала, поставившая вопрос “**почему?**”, указала на существование в Природе мужского и женского начал, о которых мы сегодня можем говорить как о несущих энергию и движение (мужское начало) и об управлении направлением движения через победы красоты (женское). При этом развитие получило только исследование женского начала в его *всеобщем* значении. Что привело к поэтическому (к этому мы будем еще возвращаться, это здесь именно просматривается связь человека с духом-интеллектом) рождению Слова в виде Ветхого Завета и иудаизма как природного инструмента проявления этого начала в его коллективистском направлении. Отсюда – “избранность” носителей этой религии (имя этого великого народа – евреи) и отсюда же их устремленность к процессу *глобализации*.

А их ограниченность понимания своей роли и ведет к тем проблемам, с которыми сталкивается современный мир.

В VI веке до н.э. с падением государства иудеев-израильтян наступает переломный момент в толковании Слова, когда слова “Не сотвори себе кумира” (вторая заповедь Моисея) получают не коллективистское, а индивидуалистическое толкование.

Теперь они относятся не к целому народу, а к отдельному человеку. И означают *личную духовную свободу*, что привело к исследованиям того, **как** устроен окружающий человека мир. Так родились философия и наука.

Но это были еще только “осколки” свободы, разбросанные случайно по побережью Средиземного моря. Допустив существование мира духа-интеллекта, мы приходим к простой модели накопления (через бессмертие духа), порождаемого отдельными “осколками”, и подготовки той духовной революции, которую связываем с рождением христианства и слов Нового Завета.

Основа христианского учения заложена в замене ветхозаветной заповеди “Око за око, и зуб за зуб” (идея *справедливости*) на идею *любви* к ближнему.

“Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит”.

Это слова апостола Павла, который интерпретировал главную идею Иисуса Христа и развил ее, заявив, что теперь слова “Не сотвори себе кумира” относятся не к народу (евреям), а к любому отдельному человеку, *личности*. Тем самым сделав важный шаг от проявления коллективистского начала в Природе к индивидуалистическому, открывающему путь к творчеству (опять же через установление связи с духом-интеллектом).

Правда, тут же созданная вторым не менее знаменитым апостолом Петром христианская Церковь объявила идеи Павла “павликианской ересью” и запретила их распространение.

В текстах же Нового Завета в Евангелии от Матфея мы читаем: “Не мир пришел Я принести, но меч”. Это было проявление *энергии и движения*, мужского начала, что стало второй отличительной чертой христианского учения. Правда, с *любовью* это входило в заметное противоречие, что и привело к бурной истории развития христианского мира в течение последующих двух тысячелетий, так еще и не закончившееся. И что позволяет нам, продолжая линию на *углубление* знаний об устройстве окружаю-

щего мира, добиваться, можно сказать, фантастических успехов путем управления временем при выполнении научных разработок. Задав еще и третий вопрос: **куда** развивается мир?

Чтобы сохранить краткость изложения, я должен отправить читателя к моей предыдущей книге – “Время и Красота” (2004), где рассматриваются вопросы формирования и проявления *русского духа*, представляющего собой уникальный природный инструмент в виде сочетания ориентации на красоту (женское начало) и свободу (индивидуализм). Последнее относится только к той части русского народа, которая следует “заветам” самого знаменитого из русских людей – преподобного Сергия Радонежского, связываемого с формированием философии русского староправославия. Определяющего *особую* роль России.

Это на исследовании данных самой Природой особенностей духа русского староправославия, породивших все лучшее в русской истории, и на углублении понимания идеи Святой Троицы (разделение с целью духовного развития, имея целью соединение при достижении достаточно глубокого уровня, что в науке о саморазвитии Synergetics обозначают “точками бифуркации”) и основан наш подход, получивший название B-Synergetic Time Compression, где “B” означает “Beauty” (красота). Подход, направленный на замену войн (являющихся природным инструментом соединения противоположного в точках бифуркации?) на сознательное, основанное на *знании*, сотрудничестве. Что предполагает не превращение народов в “серую массу” на пути решения задачи глобализации, а, наоборот, развитие духовных сил отдельных народов (здесь я думаю прежде всего о русском народе, на который *ни за что* обрушились столькие беды) с последующим, по мере накопления “духовного потенциала”, соединением с другими народами через сотрудничество на основе *принципа дополнительности* (термин Нильса Бора).

Но вернемся к вопросу: *кто виноват?*

Именно *ни за что*, как это видится, и обрушивались на меня те беды, о которых я писал выше, рассказывая о своих научных разработках. Как *ни за что*, как может казаться, они обрушивались, в частности, на евреев в их 4000-летней истории. Но не нам судить об избранности народа или человека. Народа-поэта или человека-поэта. Ибо поэзия – от Бога. Ходить же под Богом (по Ветхому Завету) надо только прямой дорогой. А как заметил *поэт*: “Вдоль дороги лес густой с бабами-ягами...”

ПЕРВЫЙ РАЗ ЗА ГРАНИЦУ

(Осень 1969 – весна 1970 годов)

В ноябрьские революционные праздники в 1969 году выпало много снега. Правда, снег был мокрый и потому ходить на лыжах было практически нельзя. Но я, прощаясь на всю зиму с моей Россией, все же пошел. И встретил в лесу всего одного человека, ступавшего с налипшей на лыжи снежной “бородой”, чертыхаясь, на опушке леса в виду деревни Юркино. Это был начальник международного отдела нашего Объединенного института ядерных исследований в Дубне Вениамин Семенович, через которого меня в следующую субботу, 15 ноября, отправляли на полгода в ЦЕРН.

“Как дела?” – закричал при встрече В.С. Он всегда не говорил, а кричал. И отвечать ему надо было так же, громко и бодро: “Отлично, Вениамин Семенович!”. Как и положено – “ваньке” перед “особистом”. Да я и был “ванёк”, никогда нигде не бывавший за границей и даже не представлявший никакого интереса для “службы”. Что-то там сделавший в науке, но, во-первых, не в физике (что сразу снижало все мои “ценности” на порядок), а во-вторых, не имевший никаких шансов на хорошую карьеру в будущем в силу своего “никакого” происхождения.

Странно, но я даже не получил никакого “задания”, когда сдавал на хранение в здании на Старой площади “самое драгоценное” – свой партийный билет. Похоже, я и там проходил, как все тот же “ванёк”. Возможно, только один человек не думал так же – Михаил Григорьевич Мещеряков, директор нашей Лаборатории вычислительной техники и автоматизации, подавший заявку на мою командировку в ЦЕРН за год до этого. А еще годом раньше, в 1967, с ЦЕРНом было подписано соглашение о сотрудничестве, открывшее возможность для советских специалистов работать за границей. Так что я попал чуть ли не в “первую волну”.

Самолет Москва–Вена–Женева сделал посадку в аэропорту Вены, и нас, пассажиров, вывели в здание аэровокзала. С нами летела какая-то шумная группа, которая тут же устроилась около бара, и можно было видеть, как им хорошо и весело.

Немного освоившись с никогда до этого не виденным мной блеском заграницы, я спросил летевшего со мной физика: “А кто это там так шумит?”

Оказалось, что это известный писатель Иракий Андронников с группой его сопровождения направляется в Женеву собирать сведения о жизни в ней Ленина в связи с приближающимся 100-летним юбилеем со дня рождения вождя революции.

В Женеву я прибыл в пальто и в зимней шапке и потому пришлось срочно, учитывая совсем другой климат, покупать кепку. Я нашел магазин головных уборов, у которого было название “Мишель”, и выбрал серую английскую кепку, сшитую в виде клиньев с кнопочкой на макушке. Старик-хозяин оказался евреем, эмигрировавшим из России еще во времена 1905 года. Тогда его, принявшего участие в этих событиях мальчишку, спасли от царского суда большевики, отправив за границу в Женеву. И здесь он много раз встречал Ленина.

“Да мы на него вообще не обращали внимания, – сказал мне в ответ на мое любопытство Мишель. – Для нас вождем тогда был совсем другой, Плеханов. Вот это была личность! И настоящий барин-интеллектуал. Ленин же больше молчал. Покупал много газет и читал. А когда заходил в лавку за продуктами, то долго считал деньги, которых у него было, похоже, немного”.

Я хотел было пойти в Советскую миссию при ООН, чтобы передать Андронникову о своем неожиданном “открытии”. Однако не пошел. Что-то мешало мне быть смелым в подобных случаях.

На следующий день, в воскресенье, я вышел из своего отеля, где каждому из нас полагался отдельный номер, и пошел переулками к Женевскому озеру.

Дойдя до бульвара, идущего вдоль озера, я завернул за угол, досчитал до пяти и выскочил обратно. Следовавший за мной тайный агент, по моему представлению, должен был в это время бежать большими шагами по переулку. Но там никого не было.

В понедельник меня представили моему начальнику, немцу Курту, который участвовал в качестве солдата Вермахта в войне против Советского Союза в 1941–1945 годах. И дослужился до фельдфебеля. Сейчас ему было 46 лет.

Мы обсудили план моей работы в ЦЕРН. Было решено, что я буду заниматься задачей динамической коррекции фокусировки и астигматизма электронного пучка сканирующей прецизионной электронно-лучевой трубки, имея целью достичь разрешающую способность в 7000 линий при минимальных затратах на создание блока коррекции. Забегая вперед, скажу, что эта задача была нами решена, причем на мою “долю” выпало доказать, что лучшим решением была идея, предложенная именно Куртом.

У меня была другая идея, но она оказалась заметно дороже. И это неожиданно спасло меня позже, когда после возвращения мне пришлось доказывать в органах госбезопасности, что я не передал Западу никакой “стратегической научной идеи”, как об этом заявил один “видный ученый” после нашего успеха с решением задачи с разрешающей способностью ЭЛТ. Напротив, это я привез “окончательное решение” казавшейся нерешаемой проблемы, что стало понятно после прослушивания магнитофонных записей проводившихся в течение трех первых месяцев еженедельных семинаров.

Это были записи, которые делал на спрятанный в штанах портативный магнитофон помогавший мне на первых порах, когда я еще плохо владел иностранным языком (немецким), согласившийся мне помогать “по дружбе” один русский специалист. Он же представил, когда потребовалось, эти записи “куда надо”.

Это сейчас молодежь владеет иностранными языками, а тогда, в наше время, это казалось многим “никому не нужным”. К этим “многим” относился и ведущий этот рассказ. К тому же, изучая в школе немецкий, я “проскочил” аттестационную комиссию без каких-либо проблем, продемонстрировав им беглое изложение на немецкой тарабарщине какой-то темы. Но одно дело – комиссия, не говорящая на немецком, и совсем другое – реальная жизнь.

В результате мне пришлось учить немецкий уже в Женеве, что называется, на ходу. И здесь произошел смешной случай.

Меня познакомили с немцем по имени Эдвин, который изучал модный в то время русский язык. И мы договорились встречаться каждый день и говорить по часу, я на немецком, а он на русском.

Эдвин был красавчик, женившийся на мадам с высоким социальным происхождением. В этом был элемент мезальянса, и оба испытывали вполне понятные неудобства в личной жизни. Из-за чего Эдвин обязан был возвращаться домой после работы с задержкой не более, чем на двадцать минут.

Однажды я предложил ему заскочить ко мне в отель с тем, чтобы угостить его русской водкой. Он согласился, но сказал, что времени у него будет в обрез. Подъезжаем к отелю и не можем найти места для парковки автомобиля. А рядом – огороженная частная стоянка.

“А, была не была!”, – говорит Эдвин и ставит свою машину в дальний угол огороженного квадрата, на свободное место между двумя другими автомобилями.

Мы заскакиваем в отель, выпиваем по рюмке и бежим обратно к машине. Не тут-то было! Сзади его машины стоит, запирая выезд, огромный кадиллак. Это вернулся хозяин, как выяснилось позже, таксист, занятого нами места. Приехал перекусить.

Мы видим: такси. Есть надежда, что скоро уедет. Но проходит десять минут, затем двадцать. Эдвин в панике: что-то будет ему от мадам дома?! И тут случается то, что могло произойти только для того, чтобы я мог написать этот рассказ: прямо около нас останавливается с заглохшим мотором маленький “Fiat” и из него выскакивают два молодых парня-итальянца. Открывают капот и что-то там делают с двигателем. Но машина не заводится.

Меня осеняет, и я предлагаю Эдвину позвать итальянцев, чтобы отодвинуть стоящий сбоку от нашей машины красный “Ford”, похожий по размерам на наш старый “Москвич”. Итальянцы охотно соглашаются, мы кантуем в сторону “Ford”, выезжаем и ставим “красного американца” обратно.

Почему-то “Fiat” тут же завелся. Я машу рукой: “Vivat Italia!”. В ответ: “Vivat Russia!”. И мы разлетаемся в разные стороны.

На следующий день Эдвина вызывают в полицию и кладут на стол заявление от таксиста с требованием заплатить, согласно закону, штраф (тогда он равнялся 50 франкам) и дать письменное объяснение – как он сумел выехать из запертого места.

Эдвин согласен платить штраф, но объяснение давать не хочет: пусть таксист покажет соответствующий пункт закона. Таксист упирается. Эдвин тоже. В полиции не знают, что делать. Идет ругань. Наконец в полиции говорят, что таксист согласен: штраф не нужен, пусть даст только объяснение. Эдвин: фиг ему!

Немецкий язык – это было хорошо, но все же требовалось знать и английский. Даже в первую очередь. И я попробовал его изучить.

Меня направили к ответственному за сотрудничество с русскими специалистами французу Николаю Кульбергу (Nicolas Koulberg), и он дал мне в учителя молоденькую англичанку. Ничего, однако, толкового из этого не вышло, хотя англичанка вполне сносно говорила по-русски. Я не столько слушал, сколько смотрел. И надеялся. Но все оказалось напрасно: ее не интересовали русские медведи.

А с Кульбергом мы тогда не то чтобы подружились, но запомнили друг друга. Дружба придет к нам позже, через двадцать пять лет, когда в 1994 году я напишу свою первую книгу – “Москва – старинный город” и отдам ее ему в рукописи, чтобы добиться его понимания меня как личности и пробиться к участию в создании административно-финансовых информационных систем. И пробьюсь, а затем даже получу от него в подарок его автомобиль – VW “Passat”. Но до этого утечет еще много воды.

.....

Когда я вернусь из этой шестимесячной поездки в Женеву, меня спросят: что было самое сложное? И я отвечу: отсутствие женщины.

Женева – это не военный корабль, где десятки или даже сотни таких же несчастных мальчишек, как ты. В ней все наполнено жизнью, и наша “родная советская власть” это, похоже, понимала очень хорошо. Так, ставший мне в ЦЕРНе другом грузинский физик Вова Роинишвили рассказал про это “понимание” одну забавную историю.

Вконец “соскучившись” по *этому делу*, он решил посетить одно веселое заведение под названием “Ba-ta-clan”. А чтобы не чувствовать себя там неловко, пригласил с собой двух русских приятелей.

Ничего *такого* там не оказалось, были накрыты столики, а на сцене танцевали стриптизерши. Одна из них, разглядев горящие глаза грузина, спустилась в зал и села к нему на колени. Как он рассказывал, она была мокрая (от танцев) и оттого противная. Он хотел было уже прогнать ее, но она заказала шампанское (очень дорогое в таких заведениях) и обняла его. Пришлось и пить.

А потом пришел черед платить, и с них взяли бешеные по тем нашим временам деньги – 500 франков. У приятелей вытянулись физиономии, к тому же *обнимался* только Вова, и так этот “праздник” закончился для него, гусара с шампанским, тем, что он только и мог сделать тогда в финале: небрежным жестом заплатить один за “общественное удовольствие”.

Однако приятели все же оказались джентльменами. Через несколько дней они затащили его играть в карты на деньги, и он выиграл большую сумму. Когда подсчитал, то обнаружил, что выигрыш составил ровно $2/3$ от 500 франков.

А потом его вызвали к представителю КГБ и задали вопрос: почему он ходил в зловеющий “Ва-ta-clan”? Похоже, что кто-то из джентльменов где-то проговорился.

Но самым интересным стало то, что ему после этого разрешили привезти в Женеву жену, красавицу Екатерину.

Еще более интересную историю рассказал мне один русский физик, с которым мы играли в футбол.

По приезде в Женеву он понял, что если не найдет себе бабу, то помрет. Уже дважды он терял сознание: один раз в магазине, начав листать книгу “Мужчина и женщина” и дойдя до известных картинок, а другой раз – в кино с порносодержанием.

В это время подошел Новый год, и всем русским было настоятельно рекомендовано провести его встречу в Советской миссии при Организации Объединенных Наций. Чтобы не дай Бог не случилось чего с советским человеком (живущим без женщины по шесть месяцев в центре Европы). И ему почему-то *показалось*, что на этом празднике *что-то будет*.

Собрались. Все физики, пятнадцать человек работающих в ЦЕРН, уместились за одним столом, около входной двери.

Подходит администратор и предлагает половине перейти за другой стол. На их место садят семь женщин. Наш бедный мальчик, которому предчувствие подсказало решение, смотрит: кто из посаженных за стол не нравится ему меньше других, и приглашает ее (когда уже начали танцевать) на танец.

Рядом входная дверь и лестничная площадка. Он понимает, что надо действовать. Нина, назовем ее так, не возражает, если они будут танцевать на лестнице. Он ее целует. Она отвечает.

В четыре часа праздник заканчивается и все разъезжаются по домам. Он вызывается проводить ее.

“Надо было немного раньше, пока еще все оставались в зале, – сказала она с некоторым раздражением. Но тут же взяла себя в руки. – А, черт с ними. Пойдем”.

Машины останавливались около них, и “друзья” предлагали Нине подвезти ее.

“Спасибо. Мы прогуляемся”, – отвечала, улыбаясь, она.

Около ее дома она спросила: “Хочешь зайти на чашку чая?”

Именно этого он и хотел.

“Ты останешься или пойдешь домой?” – спросила она, когда он вместе с чаем получил еще и предложение выпить коньяка.

“Останусь”. – Иначе зачем же он и пришел сюда?

“Тогда я первая пойду в ванну”, – сказала она.

Через десять минут она вышла в распахнутом наполовину халате... Пытаясь снять ботинки, он никак не мог поймать трясущимися руками шнурки. Разозлившись, маханул ногой так, как если бы бил пенальти. Ботинок слетел и ударился в потолок.

.....
.....[Текст опущен по просьбе трудящихся]......
.....

Его не любили, но он был ей нужен. Вербуясь за границу, она обязалась не выходить замуж.

Он приходил к ней раз в неделю, предварительно позвонив по телефону и задав любой ничего не значащий вопрос. Если она отвечала положительно, значит, сегодня можно было прийти.

Перед входом лежал резиновый коврик, и прежде, чем нажать кнопку звонка, он смотрел: не сдвинут ли он хоть чуть-чуть. Если сдвинут, то что-то случилось. И он должен был не обнаруживать себя и уйти. Сдвинуть коврик можно было одним легким движением ноги.

“Дай мне клятву, – сказала она в первый же день, – в том, что, если нас поймают, даже взломав дверь и найдя нас вдвоем в постели, ты при вызове тебя на разборку к шефу КГБ, следящему за нравственностью, будешь говорить: меня там не было. Пусть нас видели, пусть это будет даже комиссия. Но тебя здесь не было, и все тут. И я буду говорить то же самое. Тогда от нас в конце концов отстанут. Ты понял? Тогда клянись”.

За месяц до возвращения домой он пришел к ее двери. Коврик лежал не сдвинутым.

Он повернулся и стал спускаться по лестнице.

Через месяц после приезда в Женеву я получил приглашение от зам. руководителя нашего отдела по имени Детмар посетить его дом в день Рождества, вечером 24 декабря.

Я купил в Миссии бутылку самого дорогого коньяка “Двин” и пришел первый раз в дом иностранца. Сели за стол – Детмар, его жена и трое детей. Четвертая, девочка, ползала на четвереньках под столом.

На столе огромная индейка и моя бутылка коньяка. Взялись за руки (меня взяли тоже) и прочитали молитву. Не зная, как себя вести, я предложил попробовать “русский” коньяк. Разлили по рюмкам и выпили. Я разлил по второму разу.

Детмар взял бутылку и убрал ее со стола.

Старшая 14-летняя дочь забралась на стул и стала зажигать на елке свечи. Юбка приподнялась выше колен. Мать увидела мой взгляд и задрала юбку до пояса. Все очень смеялись.

В этот раз я первый раз в жизни ел без хлеба. Это было сложно и очень невкусно. Хотя индейка, которую я никогда не пробовал, показалась мне совсем неплохой.

За десертом Детмар спросил: “Если будет снова война, то кто, по-твоему, в ней победит?”

“Снова русские”, – ответил я.

“Я так и думал, что ты так ответишь”, – с какой-то грустью сказал он. Позже я узнал, что он воевал в Советском Союзе и даже был в окружении в Сталинграде.

А еще через две недели меня пригласил в гости Курт. Чтобы соблюсти субординацию, я купил уже не коньяк, а бутылку русской водки “зеленая головка”, как мы ее называли. А официальное название у нее было “Особая московская”.

Жена Курта, похожая на американских киноактрис блондинка, объявила, что мы будем есть итальянскую пищу. И ушла готовить ее на кухню.

Курт посадил меня за стол и стал рассказывать про свою жизнь. Его отец был шкипером на небольшом корабле и утонул, когда корабль подорвался во время войны на mine. Закончив эту часть рассказа, он поставил на стол малюсенькие рюмочки, грамм на двадцать, и налил в них водку.

“Если пить такими порциями, по-шкиперски, то к концу мы совсем окосеем”, – подумал я. И решил, что ни за что не сдамся сыну морского волка.

На столе появилась пицца. Я никогда еще не ел ее, и меня поразил вкус итальянцев: это было сырое тесто, напичканное свежими помидорами и сырыми же сосисками вперемешку с жесткими кусками колбасы. Наверное, если бы это были просто лягушки в тесте, то и то их было бы есть намного проще. Чтобы не ударить в грязь лицом и не показать, что капризничаю, я попросил дать мне большую кружку чая. И стал заглатывать как можно большие куски этого знаменитого кушанья, запивая каждый кусок приготовленным специально для меня чаем из полулитровой фарфоровой кружки. Увидев, что я быстрее других справился с “едой”, хозяйка положила мне на тарелку второй кусок пиццы.

Я с тоской смотрел на стоящую на столе бутылку, но, помня поведение Детмара, предложить выпить из нее так и не решился: мало ли что на уме у этих немцев...

Часа через два Курт говорит: “До чего ж хорошо пошла! А не выпить ли нам с тобой еще и по второй?”

Пройдет несколько лет, мы с Куртом давно станем друзьями, и однажды я расскажу, как в тот первый раз ел в его доме пиццу. На которую с тех пор боюсь даже смотреть.

И тут оказалось, что его жена вообще никогда ничего сложного не готовит, а в тот раз, ради русского, набралась храбрости и взяла первый раз в жизни поваренную книгу. И выбрала пиццу.

А потом они долго обсуждали этот ужин. Но не ее пиццу, а то, что русские сначала пьют чай, а уже затем только кушают.

Самым сложным оказался третий месяц. С работой все шло хорошо. Но “тоска по родине” достигла в это время своего апогея. А в довершение ко всему меня втянули-таки в “службу” разведчика.

Отвечавший за этот участок работы сотрудник, совершенно безликая серая личность, вызвал меня однажды и предложил побеседовать с представителем одной “фирмы”, которая, как он объяснил, занималась поставкой в СССР новейшей электронной элементной базы.

Моя задача была простая: помочь фирме в составлении перечня такой базы, опираясь на опыт работы в ЦЕРН. Отказываться было как-то неудобно, и мы пришли на эту “фирму”.

Это была простая двухкомнатная квартира. Нас встретил ее хозяин и закричал с порога: “Хау ду ю ду?”. Совсем как Вениамин Семенович. И протянул радостно руку.

В глубине квартиры за пишущей машинкой строчила как из пулемета дама-секретарша. В ее стрекоте совершенно не было пауз. И то ли она была такая талантливая, то ли ее задачей был чистый стрекот, но только чувство идиотизма происходящего никак не покидало меня с момента, как открылась входная дверь.

Мне предложили заполнить какие-то подробные анкеты на меня и на всех членов моей семьи. Я спросил: зачем это? Мне ответили: чтобы посылать вам всем поздравления к дням вашего рождения.

Из-за границы? Поздравления?

Даже я, ничего не знающий толком в этой жизни, и то ощущал: чушь какая-то...

Однако анкеты заполнил и расписался. А потом получил задание: прийти в назначенный день со списком электронных схем.

В этот день, придя снова, я обнаружил, что квартира закрыта. И никто никогда мне не дал никакого объяснения. Осталось только чувство какой-то мерзости. Может, меня просто проверяли “свой”? По крайней мере, на работе отношение ко мне никак не изменилось.

Все смешалось... Я пошел к руководителю Советской миссии, очень уважаемой (говорю искренне) даме по имени Зоя Васильевна Миронова, и попросил ее отпустить меня обратно, домой. Но она отговорила меня писать такое заявление, сказав о том, что Родина ждет от таких, как я, подвига и победы в науке.

Вскоре после этого я попал в госпиталь. Прогнул во время соревнований по волейболу вверх, чтобы “погасить” мяч, и там на меня *нашло*. И скрутило. Так и приземлился – на подвернутую ногу и разорвал что-то в области щиколотки. Пришлось вызывать машину скорой помощи.

Три дня я пролежал в белоснежной палате. Ко мне пришел Курт и принес фрукты. Еще через пару дней я уже приковывался к работе. А потом все забылось: молодость. И я даже занял 2-е место в забеге на 1500 метров 9-го Мая, в день Победы. И получил приз.

А за месяц до этого Курт пригласил меня “для разговора” и сказал: “Ты сделал большое дело. И мы победили. Но ты только работал, а мы знаем: все русские имеют задание – собирать информацию. Однако ты это не делал. И теперь, по возвращении, у тебя возникнут неприятности. Поэтому мы решили: вот ключ от сейфа с документацией на всю нашу систему. Ты будешь первым русским, который получает такое. Бери и работай с сейфом”.

Я вспыхнул: брать ключ было нельзя. В этом было что-то *нечистое*... И ответил отказом.

Курт удивился и повторил предложение. А я уже понимал: это было *неспроста*. Такое мгновение упустить нельзя! Но где оно, это единственное истинное решение?..

Сгораю от напряжения, а время летит: секунда за секундой...

И *оно* пришло – решение, которое изменило всю мою последующую жизнь. Я сказал: “Пусть будет так: завтра я принесу вам список вопросов, которые найду интересными, а вы мне сами подберите по этому списку имеющуюся в сейфе документацию”.

Это было действительно именно то, что нужно: что бы я делал с этим битком набитым бумагами сейфом? Да еще на английском языке... Но что мне ответят на эту “наглость”?

Молчание. Кажется, еще немного и я сгорю дотла. А потом Курт и присутствовавшие при этом разговоре еще двое сотрудников стали хлопать в ладоши. Это были аплодисменты.

На следующий день я передал семь вопросов, после чего были назначены семь ответственных за подборку документации по каждой теме и составлен график *их* работ. Мне оставалось только приходить в согласованное время и получать.

Но что я буду делать с этой бесценной информацией? Ведь дома я почти никто – в это время даже мой первый сканер еще не был запущен в эксплуатацию. И потому – где мне достать, начиная с уникального объектива, требуемую по качеству элементную базу? Я знал: не достать нигде. И оставался лишь один выход: получить ее здесь же, в ЦЕРНе, для создания *моего* второго сканера в СССР. Вот только как это сделать? Не идти же советоваться с дураком-разведчиком?..

И тут пришла одна мысль.

Это была абсолютно наивная мысль: “сыграть” на том, что о России говорят, что это – *необыкновенная* страна.

С этим, правда, согласны не все. Но что мне все эти “не все”? Пусть кто-нибудь из них построит хотя бы один сканер, не говоря еще и о выполнении блестящей разработки в ЦЕРН. А уже потом рассуждает о стране. Где все действительно просто плохо, но в то же время и – все возможно.

И я знаю, как считал тогда, некую тайну, которая ведет русских к победам. Объяснять ее бесполезно: кому *дано*, тот *и так* это знает. На это и была направлена моя странная мысль.

Загадка России скрыта в поэзии. А поэзия – это тоска о любви. Но только для этого надо, чтобы было о чем тосковать. А именно это и есть то, по чему “умирают” русские за границей.

И не русские тоже. Но не отдают себе в этом отчета. В чем я и решил им *помочь* – показать Россию в обмен на элементную базу.

Первое – об этом никому нельзя было говорить. Вокруг все были “такие умные”. И обратиться к кому-либо за советом означало – только вызвать смех. (Как это относится и к настоящим временам, когда кто-нибудь говорит что-либо хорошее о России.)

Второе – надо было решить: вносить ли мое предложение о сотрудничестве с *прекрасной* Россией сразу или отложить на последний момент? Отложить было эффективнее, но кто гарантирует, что в последние дни найдутся “все, кто надо”, чтобы согласовать мое предложение?

Угадать в этом вопросе было невозможно. Можно было только положиться на судьбу. Что я и решил сделать.

Наконец, третье: я решил создать *настроение*. Для чего перестал ходить в ЦЕРН и целый месяц шлялся по городу в надежде, что обо мне начнут забывать. А это значит: время высветит нашу победу *в прошлом* и я, товарищ по борьбе – а она была жестокой, – стану “легендой”.

Наверно, это все выглядит “неубедительно”. Тем не менее – сработало. А я даже попробовал в это время начать писать повесть, которая получила потом название “Черное озеро”. Благо, времени было предостаточно.

Тогда я еще не знал, что этот, последний, штрих будет иметь самые большие последствия: фактически это тогда и была начата моя карьера пишущего мыслителя. Что стало возможным именно потому, что я тогда *не спешил*. А это, как знаю теперь, в поисках истины (а к ней нас ведет *настроение*) – самое главное.

Но вернемся обратно, в ту середину мая 1970 года, когда я выступил с предложением о нашем сотрудничестве. И победил.

За два дня до возвращения в Россию я устроил прощальный party, что-то вроде производственного банкета с выпивкой для коллег. На party полагалось сказать речь, и я ее подготовил.

Но это должна была быть не просто “какая-то речь”, а речь настоящая, способная дойти до самого сердца. И я построил ее на том, что вначале наговорил немного глупости – о том, что вот я приехал к ним на Запад из страны, строящей будущее челове-

ства, но нашел “что-то вроде человечества” и тут. И мы стали товарищами (камераден). И сражались вместе, одержав нелегкую победу. А теперь пришло время расставаться. Возможно, навсегда. Я уезжаю от них обратно, к себе домой, в мою Россию, которую люблю. Где в лесных озерах тихо светят далекие звезды...

В конце я переходил на *поэзию*, что вместе с выпитой под речь водкой и моим новым статусом “человека-легенды” должно было создать то самое настроение, во имя которого я все это и городил. Но вот поймут ли меня? Не решат ли, что я говорил в том смысле, что и в озерах у нас светят все те же *красные* звезды?..

Наконец, настал тот день, и мы собрались. И тут я, и так чуть живой, обнаруживаю, что допустил ошибку: забыл заказать в ресторане стаканы. И делаю вторую ошибку: иду туда, в ресторан, один. При том, что там говорят только по-французски.

Все же я смог объяснить, что я – русский. Делаю party с водкой и закуской. Что мне надо 30 стаканов. Вот залог – 50 франков. Завтра стаканы верну...

В ответ тоже понял: мы видим – ты хороший парень. Но также и болван. Друзья ждут выпивки, а ты тут что-то нам объясняешь. Беги бегом к ним (показали пинок под зад) и тащи свои стаканы.

Как дошел, не помню... Только вижу, как хочу попасть в проем двери в коридоре и чувствую, что не попаду. Наклонил поднос на себя. В проем не попал, задел плечом. Стаканы поехали, но не упали: спас заготовленный наклон подноса.

Разлил водку. Все хотят понемногу – грамм по двадцать. Себе налил целый стакан, “чтобы встряхнуться”. Сказал свою “поэтическую” речь. Выпили. И тут вижу: никто пить со мной не захотел. И я понял: наговорил про звезды на свою ...

Через полчаса, однако, все встало на свое место. Все уже пили и пели песни под мою гитару “Расцветали яблони и груши...” Тогда я спросил своего приятеля-норвежца: а почему не пили?

“А! – ответил он почему-то шепотом. – Мы в книжках читали о том, как русские пьют по двести грамм и не закусывают, но – ни разу не видели!”

Я подошел к Курту и сказал, что мы могли бы, в общем, и не расставаться. Предложение вызвало общий восторг.

Так я подметил еще одно правило, которое может быть выражено известной поговоркой: “Помогают лошади, которая везет”.

Да, еще предстояло дождаться разрешения комиссии КОКОМ, а меня еще ждал донос в КГБ. Но это уже не имело значения.

POST SCRIPTUM

Получение автором права работать на лучшей в мире западной элементной базе не могло не вызвать одного вопроса: *за что?*

Это можно было бы объяснить успехами русского за границей. Но это отпадало просто потому, что считалось невозможным.

Значит, было *что-то* еще?

Эту версию *там* и начали разрабатывать. Что не означало: относились ко мне плохо. Как и я к ним: все в этом мире зачем-то нужно. Но в конце концов всякий хлеб надо отработать. И их настойчивость дала свои “результаты”.

В октябре 1976 года я приехал в ЦЕРН, чтобы заказать очередной комплект закупаемой элементной базы для строившегося тогда нашего второго сканера – АЭЛТ–2/160. (Цифра 160 означала размер по диагонали в миллиметрах рабочего поля ЭЛТ при ее разрешающей способности в 7000 линий, что так и осталось “мировым рекордом”. Однажды мне даже позвонили по телефону и спросили: это действительно так? И бросили молча трубку.)

Это была уже пятая по счету и последняя покупка элементной базы, и Курт, который все “знал наперед”, предложил мне не тратить на эти “мелкие” обсуждения дорогое рабочее время, а разговаривать исключительно у него дома, во время обеда.

Я был согласен. Но поставил условие: за обеды буду платить. Он не возражал. И я заплатил за семь визитов 42 франка, по 6 за каждый обед. И мне даже была предложена расписка.

В этом было немного юмора: во время их приездов в Россию я тратил по 200 рублей, что составляло 50% моей месячной зарплаты начальника научного сектора. И копил эти деньги целый год.

А их зарплаты были сопоставимы с 10 000 франков в месяц.

Но так уж устроен наш мир. И поэтому в России говорят: что для русского хорошо, то для немца – смерть. Как и наоборот.

Над этим надо было только смеяться: ведь я любил Курта. И я “досмеялся”: рассказал эту смешную историю там, где не надо. И стал после этого “невъездным” до “демократического” 1991 года.

Обвинение: финансовые отношения с иностранцем. К тому же на предложение “искупить вину” ответил грубым отказом.

Так я стал почти что “врагом народа”. Но самое смешное, что в это время я “им”, возможно, и стал. Но только никогда об этом не рассказывал, пока не наступили “времена прощения”. И тогда, в 1994 году, написал об этом рассказ. Который и предлагаю ниже.

ПАРИЖ, ПАРИЖ!..

(Рассказ о нелегальной поездке. Осень 1976 года) *

Париж – первый город в мире. Во всяком случае, так говорят очень и очень многие. Принято считать, что там – царит любовь. И когда однажды, в возрасте 16 лет, я, провинциальный мальчишка из Уфы, загадывал мечту своей жизни, то на ум пришло – побывать в Париже.

Это было какое-то фантастическое желание, но я воспринял его почему-то очень легко. Может быть, потому, что это было возобновление начатой когда-то игры: я решил – во исполнение загаданного – никому не говорить об этом. Но в этой вновь затеваемой мной игре в судьбу, которая могла растянуться на этот раз, я понимал это, надолго, было также нечто новое и интересное: уже через год я мог получить первое доказательство того, что все это – не совсем игра.

К этому времени исполнилось девять лет с момента, когда в семилетнем возрасте мной был взят первый обет: молчать в течение десяти лет о желании получить по окончании школы золотую медаль. И вот до свершения этого желания осталось меньше года. Я учился в десятом классе, была осень, и я уже начал свой первый штурм, не знающий жалости – по отношению к себе – и преград, но скрытый от окружающих.

Все эти года тайна, которую я носил в себе, волновала меня, и мне казалось, что *что-то* должно случиться. И это “что-то” действительно случилось: я влюбился.

* Из книги автора “Москва – старинный город”. ОИЯИ, Дубна, 1996.

Произошло это на весенних каникулах, на вечере встречи девятых классов нашей мужской школы с девочками из соседней, женской школы. Я боялся даже подойти к ней. Но директором той школы, в которой она училась, была моя родная тетя, и мне удалось узнать от нее о том, что моя принцесса – отличница и “идет” на золотую медаль. И еще узнал, где она живет.

Когда в первый раз я прошел мимо ее дома, она, словно угадав, вышла с ведрами за водой, на колонку.

Мы еще не были знакомы, но на том вечере наши взгляды уже пересеклись. И она, увидев меня на улице, обожгла...

Любовь наложила на молчание и превратилась в огненную страсть. Я входил в сборную города по лыжам, а в то лето стал еще и победителем соревнований по гребле. В кинотеатрах тогда только что прошел фильм “Тарзан”, и вот я стал переплывать с одеждой в руке быстрюю опасную Уфимку, бегать в лесу и метать тяжелое копье, сделанное из срезанного стройного деревца... Кончилось это тем, что через год я стал претендентом на звание чемпиона России по гребле. Но участию в чемпионате помешала золотая медаль.

Чтобы добиться ее (и стать, как я считал, достойным своей любви), мне надо было решить две задачи – превратиться в десятом классе в отличника, а также пересдать два предмета – “Конституцию СССР” и “Географию”, которые мы проходили соответственно в седьмом и девятом классах и по которым у меня были четверки.

Решая первую из этих задач, я заставлял себя, уже засыпая, встать и снова повторить выученные уроки.

Это было чем-то вроде добровольной пытки, но если мысль о повторении приходила мне в голову, я всегда вставал и включал свет. В этом истязании, однако, было что-то от той волнующей тайны, которая поддерживала меня все эти годы.

Сложнее оказалось пересдать четверки. Когда остался последний экзамен за десятый класс – а это была история, по которой меня считали чуть ли не лучшим учеником в школе и потому пятерка по этому предмету не вызывала сомнения, – я решил. Моя тетя, директор женской школы, поговорила с нашим директором, и он дал согласие на пересдачу. Однако на все три экзамена у меня оставалось всего пять дней.

В первый день был выучен учебник по Конституции и вечером получена первая пятерка. Но на следующий день у меня от пере-

напряжения начались какие-то непонятные осложнения со здоровьем. Такого никогда еще не было, и я испугался. В результате один из пяти дней был потерян из-за похода к врачу. Ничего страшного, однако, найдено не было, и можно было снова браться за учебники.

Когда на пятый день я сдавал географию, то произошел конфуз. Надо сказать, что наша школа была знаменита тем, что ее основали еще во времена Пушкина. В ней во второй половине XIX века учился художник Михаил Нестеров. И в ней, как и положено школе с давними традициями, было немало хороших преподавателей. К ним относился и немолодой уже, грузный учитель географии. Его любили. Он мог, дав задание, закрыться газетой – делай что хочешь. А сам, как выяснилось потом, проделывал дырочку в газете и смотрел – кто действительно честно изучает его предмет. Чтобы знать: кто настоящий? Но я в девятом классе еще не принадлежал к отличникам, и его мнение обо мне оставалось не самым высоким. К тому же ему дал указание директор, и он знал, от кого идет эта просьба – принять переаттестацию по географии уже на следующий день после экзамена по истории.

Когда я пришел к нему домой, то оказалось, что там никого нет. Мне ничего не оставалось, как стоять у калитки и ждать. Через два часа он открыл дверь.

– Какой хочешь билет? – спросил он.

Я чуть было не сказал, что мне все равно, но какое-то мимолетное настроение заставило немножечко задержаться. Разумеется, честь выше цели. Но от медали зависела судьба. А это было уже посложнее: решать – совсем чуть-чуть затронутая честь (о чем никто никогда и не вспомнит) или, быть может, *другая* судьба?..

Он с насмешкой смотрел на мои затянувшиеся страдания. Перед ним стоял “племянник директорши” – он видел это в свою дырочку. Правда, этот “племянничек” что-то долго не решался. Но исход все равно был заранее ясен. Сжавшись и не зная, куда девать глаза, я сказал, что лучше знаю Европу и Северную Америку. Он выбрал билет: промышленность Соединенных Штатов.

Ответ мой был, кажется, неплохим. Было видно, что он тоже доволен. И тогда в конце, чтобы поставить точку, он предложил ответить на последний вопрос.

– Есть ли в Швеции леса? – спрашивает он. И я понимаю, что именно сейчас, всего лишь от одного слова – “да” или “нет”, решится моя судьба. Почему-то мне стало страшно, как никогда.

Но ведь я не считал себя трусом – проверял это, когда выходил один на скользкой, как акула, байдарке “Скиф” на середину только что освободившейся ото льда реки Белой, на берегу которой была расположена наша водно-спортивная станция “Динамо”. При этом стоило хоть чуточку испугаться – и ты переворачиваешься и погибаешь в ледяной воде. Однако я не боялся. А тут...

Мысли мои вдруг разбежались. С одной стороны, я вроде бы помнил из того, что учил, – леса там есть. Да и с чего им не быть там? Но почему-то ни с того ни с сего на память пришла одна прочитанная книжка о войне, где было описано, как наши разведчики на территории Северной Норвегии скрывались в безлесной местности. А Швеция – вот она, рядом с Норвегией и такая маленькая на карте. Там должно быть все то же самое.

Я был как-то по-странному обрадован – чуть ли не счастлив, – что мне вспомнилась в трудную минуту эта книжка. И говорю: лесов в Швеции нет. Как я теперь понимаю, этот ответ, направивший судьбу моей жизни в более скромную дверь, и привел меня, в частности, через годы в Париж.

Ответ мой был неправильным. В Швеции были большие леса, как выяснилось, самые большие в Европе. И была также – благодаря лесам – развитая деревообрабатывающая промышленность.

– Есть даже такой рассказ у Чехова, – сказал он, – называется “Шведская спичка”.

И поставил мне пять.

На выпускном вечере в первый и последний раз в жизни я сидел в президиуме. Мне была вручена в красной коробочке желтая медаль, а я – в качестве лучшего ученика – должен был сказать несколько добрых слов и вручить текст благодарственного письма нашему самому уважаемому учителю Якову Ивановичу (о нем шепотом говорили, что он был белогвардейским офицером), преподававшему математику и поставившему мне единственный в моей жизни “кол”: он задал вопрос, а я в это время смотрел в окошко. После торжественной части я почему-то напился и чуть не вывалился из окна со второго этажа. Но меня успели схватить.

Принцесса поехала поступать на геологический факультет Московского университета, а я – на радиотехнический факультет Московского энергетического института. Именно в это время, в первой половине июля, проводилось и юношеское первенство России по гребле. Наши вернулись с третьим местом, уступив только командам Ростова-на-Дону и Ленинграда, а одна наша

лодка в гребле на шлюпках стала чемпионом. К этому времени я тоже вернулся – зачисленным в студенты.

Но я был – прямой. К тому же чемпионов всегда немного не любят. И вот так в конце концов получилось, что между мной и чемпионом России была устроена принципиальная гонка на один километр на шлюпках-одиночках. Весь берег, как мне показалось, болел за меня. Пришлось выкладываться так, как никогда в жизни, – после гонки на моих отвыкших от весел ладонях была содрана кожа и с них капала кровь. Но я проиграл. После этого все согласились с тем, что наш чемпион – настоящий, и он, гордый, постригся наголо и ходил по городу с веслами на плече – это были подаренные ему в качестве приза длинные и гибкие золотистые весла (на наших лодках весла были выкрашены скучной, матросской серо-голубой краской). Я завидовал ему.

В Москве я снова стал бродить “под окнами” ставшей теперь студенткой-геологом моей королевы. Только здесь ей уже не надо было ходить за водой: она жила на шестнадцатом этаже университетского корпуса “Г”, и “улицей” для меня стал ее коридор.

Но прежде, чем попасть в него и пройти по нему, надо было проникнуть на территорию университета, куда без пропусков не пускали. И мы с моим соседом по общежитию, приехавшим в Москву из той же школы, что и я, бесстрашным татаринном, лазили обычно внутрь через пятиметровые ворота, в арке красного перехода рядом с правым угловым домом-башней. Это был путь номер один, самый главный. С виду такие неприступные, ворота эти на самом деле в своем узоре из почерненной стали имеют некое подобие канатной лестницы. Единственным неудобством с точки зрения “атакующей” стороны было плохое поле обзора. Никогда нельзя было быть уверенным, что во дворе за углом не спряталась “защищающаяся” сторона в виде толстой тетки с метлой или, что хуже, мужика в сапогах и кителе. Однажды, удирая от погони, мне пришлось довольно долго просидеть наверху, перебраниваясь с разъяренной теткой. Она все пыталась достать меня метлой, а я хотел, но никак не мог схватить за прутья и отнять у нее эту метлу, чтобы она не могла ткнуть ею сквозь решетку, когда я буду слезать по наружной стороне. Кончилось тем, что на крик явились сапоги и китель. Она, задыхаясь от злости в своей правоте, повернулась к нему, а я, как только она разинула рот, спустился мгновенно до середины и спрыгнул.

Нередко мы лазили также через край забора, отгораживающего университетский двор. Хотя нас было видно как на ладошке, однако и мы видели не хуже. Расчет строился на том, что никто не выдерживает постоянного наблюдения за забором. А в случае неудачи времени удрать обратно – ввиду дальности расстояния – тоже было достаточно.

Но если уж нас заметили, то, будь уверен, из проходного домика наблюдение в боковые окошки будут вести непрерывно. Тогда оставался третий путь, требующий, правда, особенно крепких нервов: надо перелазить вплотную у проходной, в полуметровой зоне “мертвого” обзора из зарешеченного окошка. Ты лезешь, такой “деловой”, через утыканный острыми кольями верх, а рядом входят и выходят ничего не замечающие (заколдованные) люди.

А там, за железными воротами, в громадном замке с башнями на углах жила моя красавица-царевна. В замке вечно горели огни, и тысячи слуг сновали туда и сюда по бесчисленным переходам, запутанным в лабиринт и идущим откуда-то сверху вниз, в мрачные подземелья.

Я никогда не видел этих темных сырых подземелий, но – мне так казалось – в них лохматые согбенные люди бродят в клубках смрадного пара и варят, помешивая, в огромных медных котлах какое-то красное месиво. А затем, непрерывно кланяясь перед кем-то, скрывающимся в темноте и сверкающим мрачным взглядом, разливают его по заранее приготовленным сосудам. Следят – чтобы всем получилось поровну. И урчат, и облизываются, и хвалят друг друга.

А в дальнем углу, у облезлой грязной стены, скрежещут когтями и жадно грызут кого-то. И этот кто-то жалуется и плачет...

И я тогда уже знал, что все это – есть. Иначе отчего бы мне было так страшно?

Я думал о *ней* целую вечность и ехал сюда на ревущих двурогих чудовищах, пробивался и ждал, и мечтал, что пройду мимо *этой* двери, и она выйдет в этот момент. И все сразу поймет.

И вот я иду по нескончаемому, качающемуся коридору, и нет, кажется, на свете сильнее желания, чтобы она случайно не вышла и не увидела меня.

Что мне сказать ей? Зачем я сюда приехал? Что я люблю ее?

Нет, только *не сейчас*...

Прошел целый год. И однажды я все же сказал ей об этом. А еще через месяц мы расстались с ней навсегда.

Все оказалось, когда мы стали встречаться, как-то не так...

Но что-то все же осталось. Остались *мои* ворота и качающиеся под ногами коридоры корпуса “Г”. И сам, бравшийся нами не раз на бордаж, этот “кот ученый” – многопушечный университет.

Как потрепанный в штормах большой корабль, усталый, но гордый, он тихо плывет и сейчас предо мной в пылающем море цветов и осенних листьев деревьев.

Куда он плывет и к каким берегам? Какие матросы на этот раз полезут по его канатам и вантам?

Время – как ветер... Быстрее времени только мысль.

Я поднял свой парус под ветром мысли, и громада-корабль как бы нехотя начал удаляться от меня, постепенно разворачиваясь бортом. А предо мной открывался укутанный дымкой океан под названием Москва.

Я плыл к нему в своей скорлупе, в лучах заходящего солнца, и он чуть заметно искрился и шумел, где-то внизу, впереди, вдалеке...

Мысли, мысли... Воспоминания... А за окном вагона уже – Париж.

Осеннее хмурое утро. Поезд тянется по окраинам. Какие-то огороды. Все так странно. Прошло целых двадцать два года с той поры, когда я, начиная в десятом классе штурм золотой медали, задумал немыслимое – попасть в Париж. И вот я – здесь.

Тогда мне как-то подумалось, что я научился общению с теми таинственными силами, которые управляют человеческой жизнью. Что эти силы проявляются не наяву, под видом оборотней или привидений, как об этом пишут в “страшных” рассказах, а в мыслях и настроениях, которые к нам приходят. Но которые почти всегда разрушаются – от самоуверенного скептицизма окружающих, в действительности просто неспособных к восприятию сложного и утонченного.

Впереди у меня было два дня, в течение которых можно будет ходить по Парижу. Что такое – два дня? Кто-то может ездить сюда столько, сколько захочет, и тратить такие деньги, что цель, достигнутая мной – два дня в Париже, – это просто смешно...

Но смешно ли? Разве время нашей жизни в сравнении с вечностью – не смешно?

И что если в эти – не менее *бесконечные*, чем целая жизнь, – два дня я увижу нечто такое, что доступно только тому, кто знает тайну общения с фортуной-судьбой? Ведь мне уже удалось – через обрушившуюся на меня фантастическую любовь к отличнице-незнакомке – прийти, когда я начал экспериментировать со всем этим, к той, пусть даже сомнительной в высоком смысле, цели с золотой медалью, с которой за десять лет до этого я связал надежду и обет молчания. К чему же тогда я пришел сегодня?

“Бесконечное”! Вот оно, то *красивое* слово, которое – я ощущал это уже – станет сегодня ниточкой моей судьбы.

Вчера я сделал *первый* “красивый” шаг – с моим другом, немцем Куртом мы перешли границу Швейцарии и Франции ради этой поездки в Париж.

Его паспорт был в полном порядке, и он по нему заранее заказал в Париже отель. А я, находясь в загранкомандировке, имел право на переход границы для работы во французской части Европейской организации ядерных исследований – ЦЕРН, расположенной на окраине швейцарской Женевы. Но мы после пересечения границы не пошли ни на какую работу, а тут же поехали на автомобиле дальше, до Беллегарде, ближайшей железнодорожной станции. И там пересели на ночной поезд, идущий в Париж. Я при этом стал нарушителем перед чем-то, возможно, законом, но – во имя чего!

И вот – Париж. Курт и другие пассажиры вагона еще спят. Но я не могу. Сейчас во мне горел тот самый *сдержанный огонь жизни*, когда красивое слово становится предвестником победы.

Только не упустить главное! Пусть этого будет даже не много, но оно должно оказаться тем, что в обычной жизни человек не узнает никогда.

Впереди у меня два дня. А это ведь целая вечность для свершения того единственного, ради чего, возможно, судьба и привела меня сюда.

Важно не ошибиться и суметь сориентироваться в море возможностей. Для чего – *не спешить* с принятием решений...

Еще одно! Пришедшее после первого, второе ключевое слово, которое буквально пронзило меня, – “не спешить”!

Все. Теперь только – ждать и не спешить. Ведь впереди у меня целая вечность.

Поезд прибывает на Лионский вокзал. Мы выходим в толпе пассажиров.

Грязноватый вокзал, скучная невыразительная площадь. И это Париж? Курт просит остановиться и начинает копаться в своем чемодане. “Мы уже *не спешим*, – подумал я. – Хорошо”.

– Знаешь, – говорит Курт, – я, кажется, забыл в вагоне ночные кальсоны. Ты подожди меня здесь, а я быстро схожу.

Он пришел только через полчаса. Все это время я думал о том странном начале, которое, похоже, сам же и навлек на свою голову. Впрочем, никаких доказательств того, что это была не просто случайность, а проявившаяся судьба, у меня тоже не было. Под конец этого бессмысленного ожидания, однако, стало ощущаться уже некоторое раздражение.

– Вагон оказался закрыт, – задумчиво сказал возвратившийся Курт.

– Это очень жаль, – по возможности сочувственно отчеканил я на немецкой грамматике, решив не упрекать его, оставшегося без кальсон, в потере получаса моего парижского времени.

Мне хотелось быть великодушным.

– Хорошо, – тотчас оживился он. – Тогда я схожу еще к начальнику вокзала.

Я даже заскрипел зубами. Но его уже и след простыл. А мне оставалось только рассуждать о времени и о странностях судьбы.

В моей первой научной работе этот самый *огонь жизни* зажегся и угасал целых три раза, прежде чем на четвертый раз я нашел “истинное” решение.

Разрабатывая электронные схемы для физического эксперимента на ускорителе, я отобрал сотню радиоламп – мы тогда работали еще на этих допотопных монстрах – и исследовал характеристики каждой из них. Затем включил их под постоянную нагрузку и регулярно проверял появляющиеся отклонения. Мне хотелось думать тогда, что из меня получится “электронный Страдивари”.

И действительно, мои схемы, построенные с использованием “обкатанных” радиоламп, практически не выходили из строя. Но мне уже хотелось большего – научиться теоретически рассчитывать на надежность создаваемые схемы с учетом разброса характеристик используемой элементной базы.

Неясно только было – что делать с законами распределения этих характеристик, которые для различных элементов могли принимать самые непредсказуемые формы.

Я сходил в библиотеку и взял для изучения толстенную – в три пальца – книгу по теории вероятностей. Прочитал первые сто страниц, ответа еще не нашел, но *огонь* – погас. Стал читать снова. После ста страниц – опять гаснет.

Но я ничего не мог делать без настроения. А потому стал читать еще раз с самого начала. Когда читал уже в четвертый раз, то вдруг где-то в конце этих ста страниц нашел теорему, согласно которой независимо от законов распределения отдельных случайных величин их “совокупный” закон распределения – а именно он интересен при конструировании схемы – стремится к так называемому “нормальному”. А этот закон хорошо известен.

Это позволяло сложнейшие расчеты, опирающиеся на использование элементов с различными – нередко сложными – законами распределения разброса характеристик, свести к простой задаче. Что я и сделал. А потом, заменив доводку схем (что занимает около $2/3$ времени, затрачиваемого на их создание) на расчет их на надежность вырвался за три года далеко вперед в решении сложной по тем временам проблемы – построения сканирующей системы для измерения и распознавания изображений в ядерных экспериментах. После чего, как добившийся успеха молодой специалист, был направлен на стажировку в Женеву.

Тогда я тоже – *не спешил*. И “огонь”, который я зажигал снова и снова, доверившись своим *ощущениям* и возвращаясь несколько раз назад – я говорю о книге, – так и не погас.

Курт пришел только через час и сказал, что этого дела он теперь ни за что не оставит. Похоже было, что Провидение что-то уж очень разгулялось.

– Давай я куплю тебе кальсоны, – предложил было я ему. Курту или Провидению?

Но он (Курт) твердо заявил, что это уже дело принципа. Если это было все же Провидение (а не Курт), то оно, по-видимому, обладало несколько скверным – упрямым характером. Что делало мои наблюдения на вокзале приближающимися к научным.

На этот раз он вернулся еще через полчаса и мрачно сказал, что сделал все мыслимое и неммыслимое, но кальсоны, похоже, все же пропали. Оказывается, в субботу и воскресенье – а это

были как раз те два дня, на которые мы приехали в Париж, – многие службы на вокзале закрыты. И потому он смог только отправить открытку в бюро находок.

– Однако даже если кальсоны и найдутся, то едва ли кто-то захочет заниматься еще и отправкой их из Парижа в Женеву, – грустно сообщил он мне свои печальные мысли. – Но мы с тобой, кажется, сделали все, что могли.

Последнее замечание было настолько весомым, что можно было предположить, что наконец мы сможем уйти отсюда.

Я понимал, что виноват перед ним. Но таковы уж законы судьбы: одни делают все, что могут, а другие, как кажется со стороны, ничего не делают.

С чувством исполненного долга мы пошли искать наш отель, где я должен был сегодня вечером, “задержавшись допоздна у друга”, остаться затем заночевать. Отель оказался рядом, и уже через несколько минут мы двинулись в город.

Мы перешли по мосту Сену и пошли вдоль набережной. Шли, наверное, около часа. В сравнении с нашим Ленинградом я не находил здесь ничего особенно интересного. Прошли мимо какого-то острова. Впереди был второй.

И вдруг что-то смутило меня. Я смотрел на этот второй остров и уже понимал, что это – *он*, но еще не верил своим глазам.

Огромный усталый зверь лежал, опустившись на лапы, на оббитом ползучей зеленью острове. Мы подходили сзади, и он еще, похоже, не заметил нас. А может, мы были для него просто неинтересны. Он столько видел на своем долгом веку! А теперь – вот он. Я смотрю на него...

Меня тянуло к нему, как притягивает свет далекой звезды, и я *долго* стоял так и смотрел. И так же, как при виде звездного неба, сердце постепенно стало наполняться тоской.

Курт с пониманием ждал меня. Мы молчали. Потом он показал на часы – пора! Перейдя по мосту реку, мы ступили на остров и там, перед входом в *него*, Собор-Зверь, встретились с ожидавшими нас двумя французами.

Они оказались симпатичными ребятами. Один, невысокий и элегантный, был директором фирмы. Его коллега, высокий и худощавый, с характерной для интеллектуала-программиста черной зарослью на несколько изможденном лице, чем-то сразу располагал к себе. Они, представители элитарного Коллеж-де-Франс,

совсем недавно признали свое поражение в борьбе с английской школой, длившейся около десятка лет. Французы считали, что в решении задач распознавания изображений надо опираться на разработанные теоретически методы, которые были описаны математиками в их таких солидных книгах еще задолго до начала практического применения компьютеров. Англичане же предлагали не признавать “авторитетов” и делать свои собственные разработки, опираясь не на “книжную науку”, а на здравый смысл.

Последнее, скажем так, чтобы не обидеть теоретиков, оказалось эффективнее. Зато их – теоретиков – книги по распознаванию образов, надо признать, были, безусловно, самые толстые.

Был также наш подход, близкий по духу к английскому, в котором использовались скоростные средства диалога. Благодаря чему затраты на разработку программ можно было снижать еще на целый порядок. Но время этого подхода было пока впереди.

Результаты эти были получены мной на пути самого крайнего индивидуализма, опирающегося в своих поисках на “красоту” решений. Чем и характеризуется “русский путь”. Но этот путь, который несет в себе *победное* начало, по самой своей природе плохо приемлет какие-либо школы. С их губительной для таланта общественной оценкой значимости достигнутого – на основе применения контролируемой (человеком, а не через чистую совесть) системы присуждения разного рода званий, степеней или отличительных премий.

Это неприятие “кнута” в русской интеллектуальной мысли имеет, однако, и свою обратную сторону, которая выражается в отсутствии взаимной поддержки между русскими интеллектуалами и в их зависимости от грубой внешней силы.

Сила эта, правда, нередко выступает также в роли “спасителя” интеллекта, естественно, в основном в прикладном направлении, позволяющем достичь укрепления собственных позиций. А когда дело касается мыслей или исследований, которые носят фундаментальный характер, то здесь русский индивидуализм имеет только такие прикрытия, как – философия и время.

В основу моего подхода была положена гипотеза о существовании в природе “числовых характеристик красоты”, а это уже – чистой воды фундаментальная наука.

Так что мне спешить было некуда.

Я бы мог, пожалуй, назваться в жизни философом. Но – коротать на печке печальные дни? Когда, как это подметила еще

“неунывающая посредственность”, – жизнь так прекрасна и удивительна!

И что с того ей, бушующей в жизни “посредственности”, что какие-то там “силы”, которым вечно чего-то недостает, не могут отдать даже то, что им все равно не будет принадлежать? “Посредственность” плачет, пьет, поет и смеется. И корабль их жизни плывет себе куда-то по волнам быстролетящего времени.

Но кто-то, отчаянный одиночка, рискуя жизнью, отвязывает по ночам корабельную лодку и уходит на ней, скрываясь во мраке, в море.

Огромные холодные рыбы внизу шевелят своими плавниками и хвостами. Кто-то смотрит сквозь воду, ждет и молчит. А кто-то, возможно, уже всплывает... Море наполнено жуткой тайной.

Корабль вдали, превратившись в точку, разливается по волнам пляшущими огнями. Он ничего не видит и ничего не слышит. И знать ничего не хочет – он веселится. А в трюме кто-то шепчет чуть слышно: вернись!..

Но там, на уставшем от слез и радости корабле, даже ночью не дремлют “силы”. Ждут, что когда-нибудь к ним придут и – попросят. А они тогда еще сначала подумают.

И вот время бежит, бежит... Но что-то никто из тех, кого ждут, к ним не приходит. Из-за этого им подчас начинает даже казаться, что они чего-то не понимают. И тогда появляются эти мерзкие, скребущие по ночам сомнения: а что если и правда есть какая-то там еще, скрываемая, конечно, от них “философия”, которая сильнее их власти?

“Че-пу-ха!” – как всегда, уверенно говорят, однако, они, услышав однажды о том, что философия такая не только есть, но что она укладывается всего в несколько строчек:

Чего нет – не жалеть.

Не ждать. Предлагать. Поступать *красиво*.

Не пропустить мгновение. Атаковать.

Прощать.

Прощенье и им: тому не понять, кому не дано. А время в конце концов такая же чепуха – что они значат, эти десяток-другой оборотов едва различимой пылинки-Земли вокруг какой-то там затерянной в громаде неба точки-Солнца?

Но прощать ли и тех, кто смешал служение Истине и мамоне?

“Как вянет скошенная трава, как к воде склоняется ива...” – такой представляют себе они Истину. И такими же, тихо покорными их “мамоновой философии” (где каждый имеет *цену*), хотели бы видеть они и нас, обладающих, как им это кажется, не более и не менее как – “проницательностью посредственности”.

Но Богом данное не отнять. И “что есть Истина”, и сколько поиск Истины стоит – это вам, невольным слугам мамоновым, самим не понять никогда.

Деньги, и ваши тоже, поддерживают исследования в науке. Но сначала надо не понимать, а – *знать*.

Истина – в “откровении”. И ничего не стоит.

А эти ваши примитивные “игры” с подложными числами назначаемых вами же лауреатов среди талантов, как бы этого вам ни хотелось, не имеют ничего общего с организующей жизнь и порядок подлинной *красотой*. И с описывающими эту красоту истинными числами.

Но в чем же тогда таинственный смысл ваших устремлений?

Числа при желании можно подменить, и красоту можно растоптать. Но не победить.

Победить можно только время. А время побеждает страдания.

И тогда прошедшее как бы исчезает куда-то, и приходит прощение.

Как приходит оно и в отношении вас. Я *знаю* это.

Но в этих настроениях русского всепрощения скрыта страшная правда.

Ведь Истина познается в страданиях. Ибо только в страданиях открывается истинная красота. Когда погибают лучшие.

Когда – чтобы облечь на страдания – их убивает мамона.

Французы знали от Курта, что у меня где-то в далекой России *что-то* работает и что мне дают для работы деньги. А потому проявили интерес к возможному сотрудничеству. Нас привезли в ресторан на площади Трокадеро, из окон которого можно было разглядывать Эйфелеву башню, и за обедом – мясо в кремово-белом соусе, салат, вино, кофе – провели наши, канувшие потом в прощающую всех и вся полноводную Лету, переговоры.

Но перед этим я попросил “совсем-совсем немного” времени, чтобы зайти в Собор.

– Сегодня вечером в Соборе будет концерт органной музыки, – сказали нам. – Советуем пойти.

Но тут выяснилось, что Курт уже наметил куда-то уйти в это время: потерянные с утра два часа, когда мы спасали на вокзале его драгоценные подштанники, заставили его изменить наши планы. Я оставался *один!*

Один на один с Собором?

Мне опять отчего-то стало страшно. Казалось: *кто-то* крепко взял меня за руку и ведет куда-то... Но это было одно мгновение. Вокруг все оставалось, как обычно, – дома, куда-то спешащие люди. А эти *странные* мысли были, конечно же, просто навеяны моими утренними настроениями.

До начала концерта еще оставалось немного времени. Спустившись по ступенькам к воде, я с трудом отломил веточку жесткой зелени, обвивающей каменный берег острова, и засунул ее в карман своего пальто – на память.

Веточка оказалась колючей, и ее, хотя мне и было жалко, пришлось немного примять.

Я вошел.

Людей в Соборе было много, но мне все же удалось, извиняясь за беспокойство, осторожно пройти в его середину.

Раздался первый аккорд. Музыка пронзила пространство, отозвавшись холодом звездной бездны. А потом все утонуло в синем свете сверкающей молнии. Звук неожиданно умолк. И вместе с ним умерло все. Стало тихо-тихо.

Просто не было *ничего*.

Но вот из грозной обволакивающей тишины, словно предвестник жизни, донесся чистый отголосок-переход.

И снова – сотрясающий землю грохот-аккорд.

Откуда-то сверху падала и звенела рассыпающимися в небе льдинками чудная и заполнившая все вокруг музыка, и кружились снежинками прочитанные однажды слова:

О, настигай! О, догони!

Померкли дни.

Столетия минут.

Земля остынет.

Луна опрокинет

Свой лик к Земле...

Луна. Когда это было? То, что нам иногда кажется, это действительно – было?.. Я прикрыл глаза, и свет от ламп, разбежавшись лучами, превратился в отблеск давно ушедшего дня...

...Она подошла ко мне и попросила принести ей большой камень. Когда я нес этот камень, она шла рядом, и все нас видели вместе. И я понимал, почему она идет со мной рядом.

Неужели возможно такое счастье? Мое счастье. Никто, никогда не испытывал такого.

Я рад тебе, солнце, и тебе, клокочущая река, и ледяному запаху талой воды...

“Ты пойдешь в ущелье к Черному Камню и будешь ждать там восхода луны. – Я оглянулся. Со мной говорил вожак. – И узнаешь, кто бродит там каждую ночь!”

Ночью? Один? Все знают, что я не трус, но зачем же такое испытание?

Его глаза посветлели и стали желтыми и прозрачными.

Две круглые черные точки недвижно уставились на меня.

Мне вдруг стало трудно дышать...

– Пардон, месье! – ко мне обращалась, глядя прямо в глаза, сидящая рядом стройная тридцатилетняя блондинка. Узкое лицо француженки, строгое приталенное пальто.

Я увидел это все сразу. Она хотела пройти? Музыка смолкла. А я и не заметил... Веточка зелени, которую я положил, немного измяв, в карман, видимо, распрямилась и теперь колола, мешая дышать. Все перепуталось.

– Мадам?.. – Что я мог сказать ей еще? Только глазами – о том, что мы знаем друг друга уже давно. “Я знаю”, – отвечали светлые голубые глаза. “Но ведь я – никто. Я даже без паспорта. И без языка. Я, похоже, пришел сюда из другого мира. Где все мы – ничто... О, боже! Но что же делать?” Она еще продолжала стоять. И ждать. Больше ждать, однако, было нельзя.

“Прощай навсегда!” – сказали мои глаза. “Прощай и ты, мое сероглазое счастье!” – в ответ. Я слегка отодвинулся. И она ушла.

Перед отъездом я снова пришел туда. Прощание мы решили отметить в каком-нибудь ресторане. Я выбрал Латинский квартал. Это было рядом, за Сеной. Мне хотелось в последний раз посмотреть на *его* могучие лапы.

Вот *он*, но уже какой-то другой. Мне, похоже, боязно около него. Я смотрю на открытую черную дверь и – не вхожу в нее...

Неужели *она* сейчас – там?

Но я же знаю, что там ее – нет. Потерянное мгновение не возвращается никогда. И только плещет о берег тоска...

Я еще смотрю на Собор, но Курт как-то неожиданно грубо обрывает меня и идет на мост. И я не могу почему-то даже оглянуться и иду торопливо за ним вслед.

А сзади кто-то кричит и стонет в предсмертном крике. Но этот крик никому не слышен. И только я один слышу.

Мы сидим в ресторанчике с кривыми стенами и деревянными балками под потолком и пьем какое-то знаменитое розовое вино.

Сегодня днем, когда мы шли из Лувра (где я никак не хотел уходить от Ники) по саду Тюильри в музей импрессионистов, нервы мои, казалось, не выдержат напряжения. Неужели я *все это* сейчас увижу? Я испытывал самую настоящую боль.

И вдруг Курт согнулся и говорит, что с ним что-то случилось. Оказалось – у него болит все внутри. Пришлось сесть под деревом и выпить из термоса кофе. Мне стало легче, и ему – тоже. Импрессионисты его особенно не интересовали. Однако болей таких он никогда не испытывал. Поэтому он хотел разобраться – что же с ним приключилось? И вот теперь мы сидим в старинной таверне и пьем вино, и он рассуждает на эту тему.

Но это уже совершенно не интересно мне. Я никак не пойму – действительно ли был *тот* крик или нет? Почему же его не слышал “мой” Курт? Скорее всего, ничего там не было. Просто, видимо, я устал. И мне начинает уже мерещиться. Впрочем, если этот *кто-то*, кто вошел сейчас, невидимый, в нашу жизнь, хочет мне что-то сказать, то пусть он – проявит себя...

Что бы ему такое придумать? Ага, вот, например, – пусть исполнит мое желание: я не хочу уезжать из Парижа.

– Знаешь, столько было сегодня удивительного, – говорит мне Курт, по-видимому, имея в виду свои неожиданно пришедшие и так же исчезнувшие боли в желудке, – что я бы выпил еще бутылочку вина. – И спросил, какое мнение я имею по этому поводу.

Это ты мог бы и не спрашивать, подумал я. Но наши отношения не позволяли мне вести себя по настроению, и я ответил на своем немецком в соответствии с принятым между нами тоном:

– Это есть очень хороший предложение.

Когда мы приканчивали нашу вторую бутылку, Курт посмотрел на часы, и его глаза полезли на лоб.

– Мы же опоздали на поезд! – в ужасе прошептал он. Схватив такси, мы помчались скорей на вокзал. Но поезд уже ушел.

– Со мной такого еще никогда не происходило, – все время повторял какой-то растерянный Курт. Было видно, что это очень его удручает. Следующий поезд в нашем южном направлении уходил только через час, к тому же он шел не в Женеву, а в Ниццу. И нам из-за этого предстояла досадная пересадка на промежуточной станции, где эти два пути расходились, на какой-нибудь местный поезд.

Мне было искренне жаль так незадачливо “севшего в лужу” Курта, и я подумал: вот бы нагнать то время, на которое мы опоздали. Это была уже просто абсурдная мысль: время назад не возвращается никогда. Станным, однако, во всем этом было то, что *все эти мысли* ко мне вообще приходили.

...Кондуктор решительно и немного грубо разбудил нас около четырех утра, и мы вышли из экспресса, летевшего в сторону Лазурного берега, на оказавшейся не очень приветливой захолустной станции. На перроне не было никого. Только станционное кафе ярко светило в ночи огнями витрины, и поднявшийся из-за стойки сонный буфетчик, вопросительно посмотрев на нас, начал, позевывая, протирать похожие на него самого круглые пузатые бокалы. Было темно и холодно, а на маленькой станции даже не было помещения для пассажиров. Я стал ходить вдоль черной от сырости платформы, чтобы хоть немного согреться.

По радио что-то объявили. Когда я, гуляя, в нахлобученной кепке и с поднятым воротником, подошел снова к Курту, он о чем-то бодро, как мне показалось, разговаривал с кассиром.

– Сейчас сообщили, что через пять минут прибывает поезд, следующий на Женеву. И это именно тот поезд, на который мы опоздали, – сказал он, оборачиваясь ко мне.

Оказывается, нам повезло – поезд на Ниццу был скоростной экспресс, летевший к Средиземному морю со спешащими на отдых парижанами, и он обогнал в ночи нашу женевскую черепаху. Так что все складывалось, как сообщил мне Курт, как нельзя лучше: нам даже не придется доплачивать за проезд.

– Выпей горячий кофе, – Курт протягивал мне бумажный стаканчик. Я посмотрел на него с благодарностью.

У меня на холоде даже стучали зубы.

ПРОШЛИ ГОДЫ

Прошло много лет. И уже совсем недавно, в марте этого, 1994 года, мы встретились с Куртом. Я приехал по работе в Женеву, этот таинственный город с подземными ходами, по которым скрывавшиеся от преследований протестанты-гугеноты уходили когда-то от ловивших их солдат католической инквизиции.

А потом в таких же подземельях, у самой воды зеленой стрелительной Роны, стали складывать золото. И оно уже породило душу города, которая лучше всего улавливается в открывающемся в обе стороны виде с середины одного моста – Coulouvrien.

Женева – город моей молодости, куда я попал, можно сказать, прямо из глубинки России. Я люблю его. И вот я сижу в гостях у моих друзей, Курта и его жены, в их небольшом коттедже в Мейране, пригороде Женевы. В последние два года мне довелось несколько раз ездить сюда, получив в связи с произошедшими изменениями в стране такую возможность после пятнадцатилетнего запрета на заграничные командировки на Запад – не ездил из-за отказа тогда, осенью 1976-го, “разоружиться перед партией”.

После поездки в Париж меня, похоже, куда-то “занесло”, когда позволил себе нагрубить там, где таким, как я, полагалось изображать, что “виляешь хвостом”, – например, когда тебе предлагают “немножечко настучать”, а ты это делать не можешь. А потом, словно сорвавшись с цепи, еще и отказался давать объяснения “кому надо”. После чего и “залетел” – на целых пятнадцать лет.

Но – “все проходит”... И вот я снова могу ездить в Женеву. В ЦЕРНе на должности помощника генерального директора оказался русский по происхождению потомок дворян-белоэмигрантов (со славными именами – Капнист, Голенищевы-Кутузовы) Николай фон Кульберг. Поддержка старых коллег и ставшего моим другом Николая позволила нам включиться в несколько странную для разработчиков в области физики, но такую нужную для новой России работу – по созданию системы контроля финансов.

Не участвуя непосредственно в разработке программ для компьютера, я задумался о возможности использования создаваемой технологии для решения задачи, которая представлялась даже еще важнее, чем наведение “немецкого порядка” в финансах.

Этой задачей я считал управление персоналом, а в ней как главное – поиск и выдвижение талантов. А это то, на чем добивались значительных успехов все выдающиеся, пусть даже подчас и мрач-

ные, личности в истории – включая Петра Великого, Наполеона, Гитлера и его победителя Сталина.

Что же может дать компьютер? Если к занесению в картотеку обычных “кадровых” данных о человеке добавить право каждого написать “нечто” на самого себя, что раскрывало бы его способности и входило в компьютерный банк интеллектуальных идей (Intellectual Data Base), то это откроет возможность “сильному” *напрямую* выходить на неизвестные “таланты”. При этом начало установления таких контактов, связанное с грубым перебором большого количества данных, может делать компьютер.

В этом подходе нет одного – защиты на должном уровне авторских прав. Но всем ли эта защита нужна? Только ли деньги являются стимулом в жизни? Разве нам не знакомо подвижничество в науке и вообще в жизни, с которым, в частности, связаны имена Константина Циолковского или совсем юного Юрия Кондратюка (Александра Шаргея), по выдвинутой идее и расчетам которого – о выводе на окололунную орбиту тяжелого ракетоплана и отделении от него маленького спускаемого аппарата для высадки людей на поверхность планеты (изложенным в статье, которая была издана автором небольшим тиражом в Новосибирске) – американцы осуществили в 1969 году высадку на Луну своих астронавтов?

К тому же здесь тоже можно кое-что предложить – например, выдавать зарегистрированные юридически сертификаты.

В этом, последнем, была какая-то скрытая “красивая” идея – я чувствовал это. И обсудил свои мысли с Николаем Кульбергом, который *философски* понимал меня. А именно: если есть нечто непонятное, но “красивое”, то это значит, что *время* раскроет заложенные в него возможности...

А за месяц до описываемой встречи с Куртом запутанная дорожка поиска судьбы и новых идей привела меня в Данию, в один технический университет на севере страны, с которым предполагалось сотрудничество. В Дании кроме Копенгагена мне еще с детства было знакомо название другого города – Оденсе.

И вот, забросив все дела, я тотчас полетел на свидание к Хансу Андерсену (“Королева была умная женщина, она взяла большие золотые ножницы...”). А потом бродил по заснеженным бастионам викингов в Копенгагене – Элефантен-бастион, Пантерен-бастион – и мучительно решал: что бы я сказал о проблеме отношений с представителями племени мамоны?

Какое же это было счастье, когда мне открылось в душе это решение – *прощать!*..

Но вернемся снова в этот весенний вечер, когда мы пьем чай у Курта. Передо мной бутылка красного вина, двери открыты в сад, и я рассказываю, что только что, когда ездил в Данию, закончил работу над той частью своей книги, где описываю нашу поездку в Париж. Но прежде, чем перейти к воспоминаниям, мне хочется узнать: а что помнит он?

Нам с белокурой женой Курта, которая своим женским сердцем чувствовала, что они подружились с каким-то диковинным русским зверем, который все видит и понимает не так, как они, очень интересно – что же он вспомнит?

Курт думал долго и наконец сказал, что он так много ездил в Париж, что все уже перемешалось. Но все же он вспомнил, что в тот раз по приезде на Лионский вокзал он потерял в вагоне шляф-хозе – ночные штаны. А если уж совсем точно, то на слух это прозвучало как шляф-ан-цуг-хозе – в моем приблизительном переводе: штаны для сна в поезде.

Для русской речи это было немного сложно, к тому же я эти самые штаны на нем видел – зимой, в холода у нас пододевают такие же. Поэтому, поразмыслив, решил не исправлять уже написанного в моем рассказе, где я их назвал так, как запомнил по событиям того – теперь уже далекого – времени.

Апрель – май 1994 года

После этого прошел еще один год...

В понедельник 27 марта 1995 года над Парижем пронеслась снежная буря. В пять часов дня бледное солнце освещало собор Нотр-Дам, утопавший в косых струях налетавшего шквалами колючего снега. Ветер ломал ветки.

Но на моих часах было только четыре.

В предыдущие сутки, в ночь с субботы на воскресенье, время было переведено на летнее (на час вперед), но я не отметил этого. И вот сейчас, за три часа, как мне представлялось, до отхода поезда Париж – Женева, я привел Елену в тот самый маленький ресторанчик в Латинском квартале, где мы с Куртом когда-то “загуляли”. А потом опоздали на поезд.

Рассказ о той моей, первой, поездке в Париж, приведенный выше, был уже написан, и Елена читала его. И ей было интересно увидеть все своими глазами.

Это была моя вторая поездка в Париж. Она была приурочена ко дню моего рождения, и мы оставили поход в ресторанчик на самый конец. На улице было холодно, и хозяйка поставила рядом с нами печку-камин. Мы снова пили розовое вино. А потом опять опоздали на поезд.

Сначала я своими глазами увидел, какие бывают ведьмы. Растерявшаяся Елена, уставшая и замерзшая от непогоды, вдруг обнаружила, что вместо поездки в комфортабельном поезде она стоит на продуваемом ледяными сквозняками Лионском вокзале, а впереди только начинаются непонятные мытарства.

И тут я услышал от нее все, что только может сказать ведьма, когда она злая.

Я был, оказывается, не настоящий мужчина, а самое что ни на есть ничтожество, с которым она (ведьма – тут же добавил я про себя) по ошибке связала свою несчастную жизнь.

Возможно, правда, сказала накопившаяся от работы в ЦЕРН усталость, но только ярость ее была такая, что вокзал начал даже раскачиваться. Во всяком случае так мне показалось, когда я пошел выяснять – что же нам теперь делать?

В международной кассе, куда меня направили из службы информации (где никто не говорил ни на каких иностранных языках и мне удалось из всего сказанного понять лишь два слова – “касса” и “интернациональ”), тоже говорили почему-то только по-французски. Но здесь, к счастью, была очередь из таких же, как мы, неудачников.

Я нашел пассажирку, путешествующую, судя по ее внешности, за отсутствием других радостей, девицу-студентку, знавшую как “их” французский, так и “мой” немецкий, и с ее участием переоформил наши билеты на утренний поезд. А потом предложил моей ведьме вернуться в отель.

Но она еще не перестала кипеть.

– Лучше я останусь здесь и умру! – было сказано мне в ответ.

Однако женская решительность, как известно, только ждет еще большей решительности.

Как и любовь: что ей до чьей-то жизни? Ровно ничего.

В отеле она сразу же ушла в ванную комнату и закрылась.

Я, воспользовавшись свободой, открыл бутылку вина, приготовленную для поездки в поезде, хорошенько отхлебнул из нее и, пока моя прекрасная ведьма еще не раскрыла это предательство, набрал телефонный номер и позвонил Курту в Женеву.

– Ты в Париже? Но ведь вы должны сейчас ехать в поезде! – удивился знавший во всех деталях о планах нашей поездки Курт.

Как оказалось, они с женой собирались встречать нас с Еленой на вокзале в Женеве, чтобы поздравить меня с днем рождения. И даже купили цветы. Я рассказал о походе в ресторанчик.

Ведьму, наверное, видели многие: здесь я был наверняка не первый. А вот мне в этот раз привелось услышать хохот самого дьявола.

Курт, у которого я *на случай* хранил свои рукописи и которому кто-то уже прочел в переводе этот мой рассказ (и описание истории с пропавшим имуществом озлило его), хохотал отрывисто, грубо, каким-то неестественно низким голосом и захлебываясь от удовольствия. А на следующий день, когда мы все же вернулись в Женеву, он приехал ко мне, принес красные цветы в глиняном горшке и выразил извинение за хохот: ему было неловко.

Елена себя виноватой не считала.

Но самым интересным во всей этой истории было то, что еще в воскресенье, когда мы шли через весь старый город, от площади Бастилии до площади Этуаль, я несколько раз обращал внимание на то, что уличные часы в Париже показывают неверное время.

Это показалось несколько странным. Наутро, в понедельник, все было то же самое, и я даже перестал на них смотреть. И в ресторанчике, у хозяйки, часики тоже, похоже, ввали. Поэтому, когда оказалось, что в международной кассе на вокзале никто не знает иностранных языков, то это уже не особенно удивило.

Тогда я объяснил это, как и сдвиг вперед на один час во времени в Париже, некоторой “особенностью” французов. Из-за чего на следующее утро, во вторник, мы на всякий случай приехали на вокзал заранее. Поезд действительно отправился на час раньше.

И только когда уже по приезде в Женеву я увидел знакомые круглые часы на перроне вокзала, то появились первые сомнения.

А затем, во время поездки на автобусе по городу, отыскав еще двое часов на стенах домов на Сервете и в Мейране, понял наконец, что у французов никакого странного сдвига не было.

БАБА-ЯГА

(“Лесное чудище”)

Это очень странная история. В 2000 году я был приглашен в Центр подготовки космонавтов им. Ю.А. Гагарина (Звездный городок). Потрясающая тишина, отрешенность от окружающего мира, вековые ели и березы. И интереснейший разговор, который велся вокруг применения нашего сканера АЭЛТ-2/160 для задач, связанных с “исследованием невидимого на видимом”.

Построенный по принципу “компьютер в помощь человеку”, что отличало его от известного западного подхода к построению систем “человек–компьютер”, обозначенного на пути увлечения идеей создания искусственного интеллекта (что было ошибкой), наш сканер позволяет видеть в окружающем человека пространстве то, что не видно глазу. Так возникла идея – обнаружить признаки существования параллельного нам мира.

Затронув эту тему в Звездном городке, я неожиданно получил поддержку. Мне было сказано, что космонавты, выходя в полетах за биосферу Земли, сталкиваются с тем, о чем потом никогда не рассказывают. Чтобы их не сочли за сумасшедших. Что они там видят, мне тоже не сказали, но по поводу моих собственных наблюдений в этом деликатном вопросе я получил деловой совет.

Мне было сказано, что для установления контактов с параллельным миром не надо забираться так высоко. Можно найти такие места и на поверхности Земли. Их признак – странные события, которые там происходят. И спросили меня: знаю ли я такое место и могу ли сфотографировать его? Чтобы потом исследовать на нашем уникальном сканере.

Такое место я знал. И даже странным образом описал его еще за несколько лет до первого события – встречи на нем с “черным мотоциклистом”. А в том, 2000-м, году на нем со мной произошла вторая необычная история. Так, после нашего разговора был сделан снимок “лесного чудища” в зелени деревьев, а затем исследовано с помощью сканера устройство его глаза. О чем рассказано (с картинками) в моей книге “Время и Красота” (2004).

Возможно – так мне во всяком случае это видится, – мы нашли *прямые* доказательства существования “входа” в параллельный нам мир. Утверждать большее у меня нет оснований.

А вот история с “черным мотоциклистом”, похоже, получает даже некоторое продолжение в виде пришедшей мне при написании уже этой книги разгадки поставленного в том тексте одного вопроса. Вот этот текст из главы “Профессор М.Г. Мещеряков” в моей первой книге “Москва – старинный город” (Дубна, 1996).

Июль 1980-го. Мы с Еленой бредем по жаре от Черного озера к Сходне. Пройдя деревню Средниково с ее старинной усадьбой и белой церквушкой, позади которой под сохранившимся до наших дней вязом молодой Лермонтов, по преданию, писал стихи, мы спустились к быстрой и холодной речке Горетовке.

И вдруг Елена говорит, что устала так, что идти дальше не может. Такого еще никогда не было, и это была первая странность на нашем пути. Но делать нечего: мы как раз подошли к автобусной остановке и решили ждать.

Напротив, через дорогу, лежала спиленная сосна. Я сначала долго смотрел на нее, словно сомневаясь в чем-то, – это мне помнится особенно отчетливо, – а потом все же предложил Елене посидеть на ней. Через несколько минут она встала и говорит, что все в порядке – она больше совершенно не чувствует усталости (что тоже было немного странно после такого “приступа”) и что мы можем не ждать автобуса, а идти дальше. Но тут – кошмар! – оказалось, что вся ее юбка измазана сосновой смолой.

Ехать в таком перепачканном виде на электричке и потом в метро было невозможно – она бы перемазала всех, да и для приличной девочки это было просто невыносимо. Единственным выходом было – достать где-нибудь бензин. Но где ж его тут достанешь?

Мы идем по мосту через речку, и тут со стороны Середникова, обгоняя нас, проносится мотоциклист. Весь в черном, на голове черный шар-шлем, сзади привязана веревками пластмассовая канистра-бидон с болтающейся в ней темной жидкостью.

Я смотрю на эту канистру и думаю почему-то, что сейчас она должна свалиться. И канистра и в самом деле неожиданно отваливается и падает на дорогу. Я говорю: вот бензин. Елена не верит. Мы подходим, отворачиваем крышку и видим: там действительно бензин.

Смочив носовой платок, мы оттерли смолу. Я немножко нервничал, не желая новой встречи с отталкивающим чем-то мотоциклистом. Да и лучше было обойтись без объяснений. Хотя в то же время было такое ощущение, что спешить нам особенно не требуется. Завернув крышку, мы поставили канистру на дорогу.

“А теперь давай подождем немного. Должен же он вернуться за канистрой”, – говорю я Елене. Все происходившее с нами было более чем странным, и в этом как бы слегка взвинченном настроении что-то заставляло меня не уходить отсюда.

Мы отошли на полсотню шагов, остановились за большим невзрачным кустом и стали ждать.

Прошло минуты две. Елене уже начало надоедать. Но вот снова треск мотоцикла. Парень с черным шаром вместо головы подлетает к канистре, останавливается, деловито привязывает ее веревками к багажнику и едет, как ни в чем не бывало, дальше, через мост в сторону Середникова.

Елена крепко держится за мою руку и говорит, что ей “что-то не по себе”. Мое лицо перекошено растерянной улыбкой.

В эти же июльские дни умер поэт Владимир Высоцкий (“А где твой черный пистолет? На Большом Каретном...”). Он был старше меня всего на два месяца. И вдруг он умирает.

Я же ощущал себя тогда все еще мальчишкой, работал и верил в какое-то свое светлое будущее, писал понемногу свои “записки” и играл в футбол. А тут этот черный мотоциклист...

Не знаю почему, но весь этот набор в общем бессвязных мыслей время от времени приходит мне в голову. И мне кажется, что *кто-то* хочет мне что-то подсказать. Но я не понимаю его... *

* Теперь знаю почему. Надо было написать другие слова: “Вдоль дороги лес густой с бабами-ягами, а в конце дороги той плаха с топорами...”

“Лесное чудище” в зелени деревьев в месте встречи с “черным мотоциклистом” (фото 2000 года)

“А В КОНЦЕ ДОРОГИ ТОЙ...”

(Эпилог)

Эта книга была сделана всего за три дня как пролог к моей главной книге – “Время и Красота”, по материалам которой мне предстояло прочитать лекцию перед сотрудниками дипломатической Миссии Российской Федерации при ООН в Женеве. Я знал, что делаю: вместо подготовки к лекции “сделал” *настроение*. А это уже – оружие, которое мы отдаем в руки чего-то, что вне нас. Причем никогда не знаешь – когда “оно” остановится...

Так и произошло, иначе бы я не писал этот эпилог спустя еще четыре дня. На дискуссии после лекции мне был задан вопрос: есть ли в моей книге “Время и Красота” то, что можно было бы назвать “национальной идеей”? Да, есть. В самом конце я говорю о роли России и носимого ею “русского духа”, а именно – о его устремленности через свободу (духа) к звенящей красоте, что означает – управлять временем во Вселенной.

Что достигается через победы красоты.

Этот разговор был продолжен в Москве, где мои рассуждения о русском боевом оружии во Второй мировой войне, включая рассказ о создании танка Т-34, дивизионной пушки ЗИС-3, самолетов Ил-2 и серии Як, был известен, и мой коллега по этому разговору, действующий офицер-подполковник и одновременно сотрудник книжного магазина (где он подрабатывает для семьи), печально сказал, что все это уже в прошлом. И что сегодня Америка летает на своих самолетах везде, где только пожелает.

“Ну и что? – возразил я. – Америка – страна и великая, но и слабая. Она гордится свободой, но это – свобода, регламентированная правилами. А значит, ей не прийти к победе над Россией”.

Это надо было пояснить, и я, говоря о “свободе без правил”, рассказываю о слышанном где-то в виде известного всем секрета. Наша подводная лодка с огромным ядерным зарядом лежит на дне океана вблизи Нью-Йорка, и Америка знает, что заряд будет взорван и город погибнет, если ею будет поднята рука на Россию.

Да, конечно, ничто не вечно, и ядерный потенциал России не будет играть никакой роли уже через какой-нибудь десяток лет, но в нем ли дело? Разве дело не в духе народа? А он – разве уже сломлен? К тому же наш эксперимент в ЦЕРН, где мы на основе “русского подхода” продемонстрировали возможность сжимать время в 10–100 раз, показывает, что те, кто сегодня продолжает строить новые военные базы для организации полетов самолетов, ударных и шпионов, над Россией, уже провалились в прошлое.

В XXI веке не сотрудничать с *управляющей временем* Россией окажется стратегической ошибкой. Ибо те процессы глобализации, которые больше всего интересуют сильных мира сего, тогда только и будут реализованы, когда это *движение* будет переведено на путь гармонизации, иначе – поиска *красоты*. Что позволит этот процесс ускорить не менее, чем на порядок.

Но за это придется “заплатить” – духовным возрождением национальных культур разных народов. И прежде всего – с этого необходимо начать – нашего, русского народа. Но только не на пути возврата его туда, куда пути уже нет, – в Церковь, в которой сегодня так истово крестятся (заставляя себя верить) наши власти, а на ином направлении – поэтического взаимодействия человека с Природой. Ибо поэзия глубоко религиозна и без Церкви, это высший инструмент взаимодействия *личности* с Богом (или тем, что под этим понимается). А она (поэзия) всегда национальна и предполагает при ее творении личную (духовную) свободу.

Что мы и используем с коллегами-англичанами в научных разработках. И учим этому молодежь, создавая этим *прецедент*.

Офицер, с которым шел разговор, переменялся в лице и даже сам рассказал историю, связанную с проявлением русского духа уже в наши дни в, казалось бы, погибающей русской армии.

Рассказ этот настолько потряс меня, что я понял весь скрытый смысл того, что начал описывать ровно неделю назад, когда пошел по пути создания настроения перед лекцией для дипломатов. Если, как я считаю, все творчество идет к нам свыше, то дух-интеллект, похоже, любит и Америку, и Россию. Он – Бог.

Пишу для Америки и для России.

Америка специально для облетов границ России построила самолет-разведчик, высотный и с большой дальностью полетов, рассчитанный на шесть часов лета. Наша лишенная средств авиапромышленность уже не могла противостоять этому развитию, и российские ВВС поднимали на требуемую высоту для сопровождения “наглых американцев” только свои перехватчики, время полета которых ограничивалось 40 минутами. Так и кружились: один “американец”, летящий вдоль границы, и несколько “подскакивающих” наших.

Это было уже смешно, и наши взяли да и сделали самолет с еще более высокими характеристиками. И изготовили его. Один. После чего возник второй вопрос: а можно ли с помощью всего одного самолета “объяснить” кое-что Америке?

И вот наш самолет поднят в воздух. Ведет его летчик в ранге капитана. Встречает американский самолет, облетающий нашу границу. Догоняет. Летит рядом долго, демонстрируя ресурс полета, который у нашего уже превосходит американский. Американец не реагирует. Наш, пользуясь преимуществом в скорости, залетает вперед и показывает подвешенные под крыльями страшные ракеты “воздух–воздух”. Американец летит. Наш начинает вертеться вокруг него, показывая, что и здесь мы сильнее. Американец уткнулся в свои приборы и летит, как будто это его вовсе не интересует. За ним Великая страна, и он знает это.

Наш летчик выходит из себя и идет на такое сближение, что это можно принять за таран. Но маневр этот проходит не совсем удачно: самолет американца срезает чем-то часть его хвостового оперения. И летит, гордый, дальше.

Тогда наш заходит к нему перед самым носом и включает форсаж. Это означает: засасывает в свои турбины окружающий воздух. Американскому летчику теперь нечем дышать, но он парень, похоже, не из слабых. Задыхается, кашляет, но летит.

И тут происходит то, что не знал еще ни один воздушный бой. Русский летчик накрывает своей тенью американского шпиона, ведомого невозмутимым шварценеггером, и нажимает кнопку аварийного сброса горючего. Грязная и липкая желтоватая жидкость облила серебристую американскую птицу с “ног” до “головы”.

Как писал об этом один рукописный журнал, ходящий в среде русских военных, “наш боевой самолет обосрал американский”.

Больше Америка там не летает. А капитан взмог к плахе и исчез, заловленный нашими “органами” по обрубленному хвосту.

КАФЕ НА ПЛОЩАДИ БУРГ-ДЕ-ФУР

Владимир Шкунденков

Издано в авторской редакции

Подписано в печать 19.04.2004 Формат 60x90¹/₁₆
Бумага офсетная № 1 Зак. б/н
Усл. печ. л. – 3,6 Ух.-изд. л. – 2,8
Тираж 1000 экз.

Издательско-полиграфический комплекс «Репроцентр»
300001, Тула, Красноармейский пр-т, 7.